

ТАТЬЯНА
ТЭТЯ

СОКОЛ ДЛЯ
Виты

Татьяна Тэя
Сокол для Веры
Серия «Империя», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69194395

SelfPub; 2023

Аннотация

Вера – чистая и искренняя, послушная дочь обеспеченных родителей. Она никогда не попадает в неприятности и ведёт себя правильно. Соколов – жесткий и конкретный, из неблагополучной семьи, он решает свои и чужие проблемы, а Вера становится для него глотком свежего воздуха в мире полном жестокости. Смогут ли они сохранить чувства и быть вместе, когда их реальности столкнутся, а интриги недоброжелателей встанут на пути к счастью?

Содержание

Глава 1 – Первая часть: Вера для Сокола	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	83
Глава 9	96
Глава 10	106
Глава 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Татьяна Тэя

Сокол для Веры

Глава 1 – Первая часть: Вера для Сокола

– А там точно безопасно?

– Точно, – Вика цокает языком и закатывает глаза.

Кажется, я шестой раз спрашиваю об этом.

– Ты ведь там уже была?

– Да-да, как и говорила, была. Однажды, – с улыбкой чеширского кота заканчивает Вика.

Я не знаю, куда мы едем. В какое-то супер крутое место, именно так подружки отрекомендовали его.

Супер крутое, по их понятиям, может представлять из себя всё, что угодно. От ночного клуба до модного ресторана. Вика с Алиной сказали, «тусовка» намечается отличная и будет много новых лиц.

Вот эти новые лица меня и пугают. Слишком много их стало в моей жизни, а сколько ещё будет!

В этом году я покинула выпускной класс, документы уже лежали в финансовой академии, с сентября я стану полноценной первокурсницей. Папа считает, что финансисты и

юристы нужны всегда, да и будет кому подхватить семейную фирму. Я же думаю, что двух моих братьев достаточно, чтобы её подхватывать. Арсению, правда, только стукнуло пятнадцать, но это же не навечно, повзрослеет когда-нибудь.

Будь моя воля, пошла бы в педагогический на дошкольное, возилась бы с малышами в саду. Мне это больше по душе, чем экономика. Только отец с матерью против, по их мнению – это несерьёзно и бесполезно.

Ну да, для «Империи» – огромного холдинга, которым рулит отец, точно бесполезно.

Пока пристально смотрю в окно такси, пытаюсь понять, куда оно нас мчит, подружки щебечут под боком, обсуждают общих знакомых, лето, поездки на море. А я слетала с мамой в Европу на полторы недели, и остаток дней провела с родителями за городом. Одну меня никуда не отпускают, но не признаваться же в этом Вике и Алине?

– Расслабься! – Алина обнимает меня за плечи, притягивает и звучно чмокает в щёку. – Веруня, ну реально, расслабься!

– Да я и не напрягалась, – опутив взгляд, тру вспотевшие ладони о штанины джинсов.

– Всё будет хо-ро-шо!

Приходится смотреть на подругу и улыбаться. Её глаза уже заволокла пелена предвкушения и алкогольного дурмана. Мы накатили по бокальчику шампанского перед выходом, пока собирались дома у Вики. Вернее, накатили они,

а я – пригубила. Я только на недавнем выпускном впервые попробовала алкоголь и поняла, что единственный эффект, который он имеет на меня – головная боль. Да ещё такая противная, в районе затылка. Так что теперь предпочитаю не экспериментировать. Может, со временем что-то и изменится, но сейчас мне удобнее обходиться без выпивки.

Здание, к которому мы подъезжаем, странное: тёмное и как будто нежилое.

– Мы по адресу? – скашиваю взгляд на подруг.

– По адресу, – улыбается Вика, – сейчас сама всё увидишь.

Я запрокидываю голову и ещё раз осматриваю красный кирпичный фасад, больше похожий на заводской, и тёмные провалы окон, заколоченные фанерными листами. Заунывности пейзажу добавляет дождевая вода, капающая с жестяных карнизов. Остатки асфальта у входа перемешаны с грязью.

Мы выскакиваем из такси, и машина быстро отъезжает, а я оглядываюсь, чувствуя себя конкретно не в своей тарелке. Фонари горят, но от их света и округи, которую они освещают, становится ещё более жутко и удручающе.

– Бр-р-р, ну и местечко, – внезапно выдаёт Алина.

– И ты туда же!

Вика машет руками, а потом хватает нас за ладони и тянет за собой.

– Нудные вы какие-то.

Она подтаскивает нас к большой массивной двери и жмёт

на звонок. Звука мы не слышим, но дверь распахивается, и амбал, глядящий на нас из проёма, внезапно расплывается в улыбке.

– Вика, заходи. С подругами?

От его ощупывающего взгляда мне хочется развернуться и куда-то убежать. Уже даже неважно куда.

– Да, свежая кровь, то есть лица, – она улыбается нам через плечо.

– Тут точно не логово вампиров? Не хочу быть свежей кровью, – заявляет с ухмылочкой Алина.

– К словам не привязывайся.

Вика втягивает нас внутрь, мимо отступившего в сторону охранника. И ведёт к лестнице, верхняя ступенька которой упирается в дверь.

Не знаю, что я ожидаю за ней увидеть? Может, какой-то модный клуб с морем огней и большим танцполом, но помещение, в которое мы входим, больше походит на старый потрёпанный жизнью паб. Я такие в Таллинне встречала и в Берлине, в старом городе. Средневековые, с низкими потолками, тесными столиками, тёмными металлическими конструкциями, навевающими мысли о пытках и смутном времени.

– Спокойно.

Вика, возможно, видит что-то на моём лице. Алина же с интересом разглядывает интерьер. А я другая – мне тут как-то не очень.

Народа много. Всё занято. Резкая музыка из динамиков прорывается сквозь гул множества голосов. Зал неширокий, узкий, как кишка, с поворотами, вгрызающийся в недра здания.

Запрокидываю голову, смотрю на потолок, там кирпичная кладка: старая и сырая.

Вика по-прежнему тянет нас за руки, и, удаляясь от входа, я думаю, что найти дорогу назад одной мне будет очень сложно. В итоге мы подходим к столику, за которым уже расположилась большая компания.

Моё сердце замирает, а потом стучит быстро-быстро. Потому что мне хочется развернуться и уйти. Сразу. Сейчас.

Да, за столиком не только мужчины, есть и девушки, равнодушно поглядывающие на нас. Но мужчин там больше. Именно мужчин! Не парней. Не сверстников. А мужчин! Лет на десять, а то и пятнадцать, как пить дать, старше нас. Ну и о чём мы будем разговаривать? Зачем мы сюда в принципе приехали?

Кажется, столбняк охватывает только меня, потому что Алина технично пихает меня за столик вслед за Викой, сама пристраивается под левым боком. Я смотрю на бокал с вином, который оказывается перед моим лицом, и киваю мужчине, передавшим его. Он улыбается уголком рта, но эта вежливость не находит отражение в его взгляде: пристальном, внимательном, ледяном.

– Вика, смотрю, тебе у нас понравилось, – темноволо-

сый стриженный бугай, иначе не сказать, с противоположной стороны стола, смотрит на нас.

Он тянется за сигаретой, тлеющей в пепельнице, и я невольно удивляюсь, ведь курить в закрытом помещении запрещено. Видимо, это действительно «особое» место со «своими» законами.

– Понравилось, Вадим, очень понравилось. Нам всем здесь очень нравится, да, девчонки? – обращается к нам.

Алина с заискивающей улыбочкой кивает, а я смотрю на этого Вадима и думаю, что мне не нравится ни место, ни эти бугаи.

Есть в них что-то опасное, звериное.

– Так надо выпить за вновь прибывших, – заявляет он и хватает бокал. Кажется, у него там пиво.

Все будто ждали его приказа, потому что синхронно поднимают напитки в воздух.

Все, кроме меня.

И это не ускользает от внимания Вадима. Он, видимо, здесь главный.

– Давай, не стесняйся, – кидает мне и улыбается.

На его щеке шрам, и от холодной улыбки тот становится кривой изогнутой линией.

– Спасибо, я не пью, – отказываюсь.

Его брови приподнимаются.

– Так дело не пойдёт.

– Но я, правда, не...

– Глоточек, – ухмыляется он. – Один глоточек.

– А за одним второй, а за вторым третий, – доносится от стриженного практически под ноль мужика, сидящего рядом с Викой.

Все смеются, а я злюсь. Мне не нравится быть в центре внимания, тем более – такого!

Чтобы не влезать в долгие споры, я беру свой бокал и поднимаю.

– Умничка, – ухмыляется Вадим.

«Да нужны мне твои похвалы», – чуть пригубив вино, ду-
маю с раздражением.

Когда внимание с меня переключается на другую тему, я наклоняюсь к Вике и шепчу яростно.

– Что это за бандюганы? Куда ты нас притащила?

– Блин... Вера, ты долбанутая, что ли? Какие бандюганы?

– Очень, знаешь ли, похожи.

– У Вадима своя охранная фирма. Нормальные парни все.
Ну резкие немного, но зато не ровесники, которым надо соп-
ли подтирать.

– Вик, я не люблю, когда меня накачивают алкоголем.

– Чёрт, никто тебя не накачивает. Чего придумываешь?
Сложно один бокал выпить, а?

– Знаешь, сложно.

– Дурочка, – фыркает и отворачивается.

На этом, по мнению Вики, разговор можно считать окон-
ченным.

Мне хочется уменьшиться до состояния невидимости, маленькой точки, очень неясной и незаметной. Потому что то и дело я цепляю взгляды мужчин за столом. Я молчу, не принимаю участия в разговоре, кручу бокал за ножку. Каждый раз, когда звучит призыв выпить, делаю вид, что цежу понемногу.

От необходимости отвечать на вопросы меня спасает музыка: на небольшой сцене в дальнем углу какая-то ноунейм группа начинает выступление. На него, кажется, особо никто не реагирует, но на этом фоне жужжание голосов увеличивается, и я чувствую лёгкую головную боль.

Не то чтобы я часто хожу куда-то, но на концертах я была исключительно в концертных залах, а на тусовках – в молодёжных клубах, где всё понятно и прозрачно и ровесники не представляют никакой угрозы. Пусть, по мнению Вики, им надо сопли подтирать, я бы так не сказала, честное слово, но в их окружении мне привычно, а здесь – не по себе.

Наконец, я перестаю вызывать интерес. Все уже распределились по парочкам или нашли себе собеседника. Сидят, общаются с соседями, Алина и Вика отвернулись от меня и треплются о чём-то с мужиками, а я то и дело поглядываю на телефон, гадая, сколько мы здесь пробудем.

Вернуться домой не вариант – наш дом за городом. От московской квартиры я не брала ключи. Родителям сказала, что заночую у Вики.

Когда договаривалась, не думала, что попаду в зависи-

мость, но моё собственное жильё, ещё обустраивается. Надеюсь, что к началу второго семестра я туда въеду. Снимать мне категорически запретили, так что придётся пожить пока под надзором матери, у которой «во-о-от такой пунктик» на меня. Если честно, устала от её контроля и не думаю, что собственное жильё спасёт от внимания. Вполне в её духе – заявиться без приглашения, с Ульяны Юрьевны станется.

Все в очередной раз поднимают бокалы, и я слизываю сладкое вино с губ, а потом смотрю на полупустой бокал Вики и, без лишних мыслей, делаю «чендж». Аккуратно меняю местами свой – почти полный, и её – уже допитый.

Проверяю, не заметил ли мои манёвры этот Вадим, но взгляд внезапно утыкается в мужчину, который смотрит прямо на меня. От него озноб по позвоночнику.

Самое интересное – он непробиваем. Взгляд, не выражающий ни интереса, ни осуждения. Мужчина просто смотрит. Может, чего и думает, но по лицу не поймёшь. Хотя я не особо сильная в считывании эмоций и знаков.

Интересно, он с самого моего прихода тут сидит или подвалил позже?

У него тёмные густые волосы, ямочка на волевом подбородке и чуть опущенные уголки губ, будто он редко улыбается или вовсе забыл, как это делается. Я могу разглядеть тонкую змейку татуировки на указательном пальце, выстукивающим по стеклянному бокалу.

Внезапно его нейтральность рушится, уголок губ ползёт

вверх, и лицо от этой простой ухмылки преобразается. А я краснею – безбожно, как крымские маки под солнцем. И ещё – хочу отвести взгляд, но не могу. Меня будто магнитом притягивает к этому незнакомцу, и я не понимаю, как он реагирует на такое пристальное разглядывание.

Громкий смех Вики прерывает магию. Поворачиваю голову, подруга берёт полный бокал и делает большой глоток. Кажется, её не удивляет, что бокал снова до краёв.

Когда опять смотрю на незнакомца, тот уже пропал из-за стола, вижу его удаляющуюся спину.

Покусываю губы и ругаю себя за несвоевременный интерес. Но он как будто другой. Не из этого мира. Отличается от остальных мужиков за столом.

За вечер он несколько раз приходит и уходит, но в общем разговоре участия не принимает. Цедит своё пиво, коротко отвечает, если к нему обращаются напрямую, но сам инициативу не проявляет. Девушки к нему не цепляются, хотя замечаю, что парочка за столом поглядывает в его сторону.

Бритоголовый Вадим называет его Алексеем и несколько раз хлопает по плечу, когда пытается вовлечь в разговор. В целом, он также отстранён, как и я. Мне кажется, он ощущает себя здесь чужим, такие развлечения не для него. С другой стороны, с чего это вдруг я делаю подобные выводы?

Разглядываю его украдкой, но он будто потерял ко мне интерес, ни разу больше наши взгляды не пересекаются. Мне немного обидно, хотя, думаю, сгорела бы от стыда, если б он

поймал меня за разглядываниями.

Когда на правое плечо наваливается Вика, я поворачиваю голову в её сторону и вглядываюсь в лицо подруги.

– Мне что-то нехорошо, – она прикрывает рот ладонью.

– Мутит?

– Угу. Выпила много, наверно. Хотя... всего бокал...

«Два», – мысленно поправляю и чувствую угрызения совести.

– Мне надо выйти, – она настойчиво толкает меня бедром.

– С тобой сходить? – уточняю.

– Да, пожалуйста.

Мы поднимаем всех сидящих с краю и встаём в проходе.

– Куда? – беру подругу под локоть.

– Кажется... туда, – машет рукой, и мы идём в направлении туалетов, я так надеюсь.

Тонкие пальцы цепляются за моё предплечье, даже сильнее обычного, я даже ойкнуть не могу. Мы наваливаемся на массивную деревянную дверь, на которой прибито изображение длинноногой женской фигуры, и Вика семенит к раковине и цепляется за её края, потому что ноги отказываются держать.

– Вика? – мне становится не по себе.

– Включи чёртову воду, – сипит она.

Пока я вожусь с краном, подруга заваливается, а я с паническим вскриком пытаюсь удержать её на ногах.

Глава 2

– Лёха! Соколов! – Вадим хлопает меня по плечу, когда захожу в тёмный зал какой-то шараги, где намечается туса.

– Старик! – улыбаюсь коротко.

Старик – не потому что мы приятели или возраст у Вадима подходящий. Фамилия у него Стариков, вот и приклеилось погоняло с дворовых времён.

– Выпьём?

– Разве что чаю.

Вадим хмыкает.

– Ну давай трезвенник-язвенник.

– Да не жалуясь на здоровье.

– Раз не жалуешься, то вечером с тебя пиво в качестве проставы. Надо расслабиться, не на службе.

– Да без базара.

Мы садимся за массивный стол, выкрашенный чёрной краской. На столешнице зазубрины, будто в неё тыкали ножом. Может, так и было?

– Как на Дальнем?

– Погода лучше, чем тут у вас. И воздух чище, – говорю откровенно.

– Скучаешь, что ли?

– Да ну тебя, какое там. Просто хочется стабильности.

Вадим жмёт плечом и проводит ладонью по короткому

ёжику волос. Помню время, когда он ходил с тонким хвостиком и специально выстриженной молнией на виске, но те дни давно в прошлом.

– Могу свести с нужными людьми, если прямо стабильности хочется. Либо давай ко мне в охрану, если нужен экшн.

Он без слов понимает, почему я пришёл. Предложение помощи – обычное дело. Я бы на его месте поступил точно также.

– Нет, экшена пока что достаточно.

Вадим замолкает, когда молодая официантка с колючим пирсингом в левой брови приносит нам чай.

– Спасибо, Лиз.

Та кивает и молча скрывается за стойкой.

Дёргаю пакетик чая за ниточку, а Вадим тем временем интересуется, что у меня за экшн случился.

– Ничего интересного, – отмахиваюсь.

Он не напирает, знает, что хотел бы, давно бы сам рассказал.

– К богатеям в охрану пойдёшь?

– А что охранять надо?

– Что скажут или кого скажут. Совмещёнка с работой водителя.

Цокаю недовольно. По мне так лучше поменьше с заказчиком контактировать, но когда Вадим озвучивает цифру оплаты, я уже не так категорично настроен. Деньги мне сейчас нужны. Хотя когда они не нужны-то?

– Номерок давай.

Он диктует и предупреждает.

– Придётся пройти проверку службой безопасности.

– Там всё будет чисто, – уверяю его.

Друг кривит рот.

– Точно? Я могу помочь, если требуется.

– Не требуется.

– Ну ла-а-ан. Останешься на вечер?

Смотрю на часы на запястье.

– Вечер? А когда он начнётся?

– В районе восьми. Оставайся. Выпивка, девочки свеженькие, ещё может чего интересного замутим.

– До восьми долго.

– Я найду, чем тебя занять. Тут тренажерка есть в соседнем здании на худой конец.

Смеюсь и качаю головой.

– Так, давай я по делам смотаюсь. К матери надо. А потом к восьми подъеду. Лады?

– Чего ж не лады? Лады!

Закинув в себя чай финальным глотком, встаю. И уезжаю решать дела. Их реально накопилось великое множество за время моего отсутствия. Мать не в состоянии со всеми вопросами справиться одна после ухода отца. Горько смотреть на неё. Мне всего двадцать семь, я ведь не поздний ребёнок, а выглядит она уже как старуха. Годы злоупотребления алкоголем сделали своё дело. Только волевой подборо-

док по-прежнему вздёрнут вверх, его ничего не нарушит, даже литры спиртного, которые она вливала в себя на пару с батей. Год её не видел, держится.

– Чем ты думала? – качаю головой, смотря на бумаги.

Это вырывается само по себе, а мать морщится. Не нравятся ей мои упрёки. Я уж уговаривал себя заткнуться и ту-по решать проблемы молча, но эмоции взяли верх.

– Лёш, но я же объясняла.

Мы едем к нотариусу подписать документы, генеральные доверенности, процесс затягивается, потом затаскиваю её на быстрый ужин в кафе. Мать пялится в меню, хлопает глазами, будто там на китайском написано. Помогаю с выбором и думаю, как поступить. Очень не хочется терять дом, где вырос, тем более, квартира в центре и купить такую же, вот так, по щелчку пальцев я не могу. А родители так бездарно почти её потеряли.

Ладно. Разберёмся. Главное бешеные долги погасил и с фирмой этой «шараж-монтаж» разберусь, которая матери договор подмахнула, пока та не в себе была. Схемы известны. А если схемы известны, значит, и дирижёры найдутся. Подтяну связи, выйду на нужных людей, а дальше будет зависеть от моего обаяния – какую сумму выкупа предложат.

Дела так меня закручивают, что в шарагу к Вадиму я возвращаюсь практически к десяти.

Быстро жму руку парням, кого-то знаю, кого-то вижу впервые, и сажусь с краю, подвигая к себе бокал с пивом,

который передо мной ставит всё та же не улыбающаяся Лиза.

Её равнодушие – скорее всего, броня. Потому что в таком месте можно нарваться на неприятности, если вдруг начать улыбаться кому не попадая.

Окидываю взглядом компанию за столом, не всех парней я знаю, а девок так вообще впервые вижу. Что там Вадим обещал? Свежие лица? По-моему с этими лицами перебор. Не уверен, что мне нужно какое-то приключение на сегодня. Поэтому пристальные и призывные взгляды баб игнорирую, зато сам невольно притормаживаю на одной.

Она будто из другого... сада. Не место ей в здешнем цветнике. Похожа на тонкую изящную балерину, заблудившуюся в недрах сырого Готэма. Стройная блондинка с огромными синими глазами, аккуратным прямым носом и чувственными губами, будто их нарисовала рука художника. Может, так и есть? В современном мире чего только себе не рисуют – даже лица.

Каждый раз, когда поднимают бокалы, она делает вид, что пьёт. Может и тянет потихоньку, мне отсюда не видно. Но в какой-то момент она воровато оглядывается и незаметно меняет бокал соседки на свой. На лице её такое облегчение, что мне становится смешно.

Возможно, в этот момент мой взгляд тяжелеет, потому что эта «балерина» смотрит на меня. И я начинаю улыбаться. Сдержанность рушится. Даже в темноте вижу, что она краснеет. Ну надо же, что за скромная прелесть. Точно пришедшая.

Растопчут же. Из какой оранжереи выпал этот цветок?

Музыка бьёт по ушам, и я вздрагиваю. Мне не нравится эта какофония в голове.

– Ты всё никак не расслабишься, – поддевает Вадим.

– Расслаблюсь, когда дела порешаю.

– Выбери девку и начни сейчас.

– Не панацея, знаешь ли.

Тот скалится, но кивает.

– Знаю.

– Есть тут выход на свежий воздух? Или спускаться надо?

– Балкон там, за баром. Справа проход будет.

– Пойду подышу.

Народу в это странное место набилось порядком, хотя Вадим сказал, что случайных здесь практически не бывает.

Прошу в баре бутылку воды и, следуя подсказанному маршруту, выхожу покурить на балкон. Он узкий, старый, со ржавыми периллами. Если облокотиться на них, рискуешь полететь вниз. Вдыхаю табак полной грудью. Дрянь, конечно, не поспоришь. Сотню раз говорил, что брошу, но разве это возможно сделать с тем ритмом жизни, в котором я кручусь?

Оглядываю двор. Ничего поделать не могу: рефлексy, инстинкты. Отмечаю все тёмные точки, где можно притаиться, хотя... чёрт, кому тут таится-то?

Старое заводское здание уже давно не используют по назначению, да и вообще весь квартал должен в перспективе

пойти под снос. Таких мест в Москве – завалились, но с каждым годом всё меньше. Я могу подолгу не бывать в родном городе, а потом приехать – бац, и на месте привычного пустыря или заброшки – элитный комплекс. Старые поля уже давно усеяны не овощами, а многоквартирными домами-муравейниками. И поговорка из прошлого века, что Москва – не резиновая, кажется, теряет свою актуальность.

Тушу окурок о старые чугунные перилла и щелчком отправляю вниз. Наблюдаю, как тот приземляется и гаснет в луже. В голове посвежело слегка, но в горле застыла горечь. Чёрт, даже не понимаю: я рад или не рад, что вернулся? Но одно точно – оставаться там, где я был до этого, уже нельзя. Поработаю на богатеев, а потом посмотрим: останусь или дальше уеду. В целом, здесь меня ничего не держит. Даже матери я не особо нужен, а помощника найти – это несложно организовать за некую плату. Потяну, короче.

Жадно пью воду, после табака всегда в горле сухость.

Когда иду обратно, в полумраке коридора на меня налетает женское тело.

– Тише ход, – недовольно бросаю, ловя хрупкие девичьи плечи.

Тело под моими пальцами дрожит.

Немного удивительно, в моих руках та самая «балерина». И на лице её паника, а в глазах надвигающиеся слёзы.

– Помогите, – с удивительной для этого хрупкого создания силой, вцепляется мне в футболку. – Помогите, пожа-

луйста.

– Обидел кто-то?

Ну а что ещё я могу предположить? Только это.

Но блондинка отчаянно мотает головой.

– Там человеку плохо, – поясняет и тянет за собой.

А я что? Я иду... Как теленок на привязи.

Не удивила. В таких местах всегда кому-то плохо. А другим – хорошо. Проза жизни. Ты или в одной категории, или в другой. Всё зависит от компании, количества выпитого и везения в целом.

Так я оказываюсь втянут в женский туалет, где на полу, прислонившись к стене, сидит её говорливая подруга, которой достался бонусный бокал вина от «балерины».

Блондинка, наконец, отлипает от меня и садится на корточки перед подружкой.

– Вик... Вик... ты меня слышишь?

Та что-то бормочет.

– Ей на воздух надо, – поворачивается в мою сторону.

– Тебя как зовут? – зачем-то спрашиваю.

На её лице замешательство, впрочем, это быстро проходит. А вот пятна смущения на щеках становятся ярче.

– Вера, – говорит тихо, но я улавливаю.

– Редкое имя.

– Ну да, есть такое...

Её внимание снова переключается на не вполне вменяемую девицу на грязном полу.

– Пожалуйста, помогите. Может, надо вызвать скорую?

– Кхм...

Тру подбородок. Скорую? Сомнительно, что Вадим обрадуется кипишу в подобном месте с привлечением каких-никаких официальных служб. Пусть даже медицинских.

– На воздух выведем, – принимаю решение и наклоняюсь, аккуратно отстраняя Веру и беря подмышки Вику или как там её.

На выходе из туалета сталкиваемся в дверях с парой девушек, они хихикают, поглядывая на нас. Можно лишь догадываться, о чём подумали, и даже еле переставляющее ноги, виснувшее на моём плече тело, их не смущает.

Через минуту я снова на балконе, отпускаю свою ношу, та вцепляется в перилла и наклоняется вниз.

– Она же сейчас упадёт, – беспокоится Вера, хватая подругу.

Но ту просто тупо тошнит. Звуки в тишине двора оглушительные. Вера не отпускает её ни на минуту, а потом помогает присесть, бормоча «дыши-дыши» или что-то в этом духе.

Открутив крышку, протягиваю ей бутылку с водой, и Вера кивает с благодарностью, начиная мелкими глоточками пить подругу.

– Тебе легче? – гладит Вику по рукам, и та мотает головой. – Ей в больницу надо. Вы можете вызвать такси? Я заплачу? – смотрит на меня.

– Домой, не надо... в б-больницу, – подаёт голос тело у

наших ног.

Не знаю, кто тянет меня за язык, но я почему-то выдаю:

– Сам отвезу.

– Я не хочу никого напрягать, – качает Вера головой.

– Ты уже, – кидаю строго. – Сама её потащишь до двери? Дома? Больницы? Или таксиста наймёшь?

Тёмные брови сходятся на переносице. Девушка обдумывает мои слова. В них есть рациональность. Если эта Вика хлопнется в обморок, навряд ли Вера её удержит или доведёт до безопасного места. Потом час уже не детский. Вдвоём по Москве в темноте шататься, ещё когда у одной, как минимум, алкогольное отравление, тоже так себе вариант.

Этого я не озвучиваю, но Вера, видимо, и сама понимает.

– Спасибо за помощь.

– Не спеши благодарить. Ещё будет время.

Огромные синие глаза не моргая смотрят на меня. Буквально вижу, как она обрабатывает информацию: когда, где и как будет меня благодарить.

– Вообще-то это шутка была. Помогу безвозмездно, – наклоняюсь к полуобморочной Вике и твёрдо приказываю. – Давай, поднимайся. Пойдём, вечер окончен.

Её голова мотается на тонкой шее. Ладонью она накрывает лицо. Видно, что ей реально плохо. Вера шагает рядом, прижимая к груди две сумочки: свою и подруги. Когда выходим в зал, трогает меня за руку.

– Что ещё?

– Погодите... там... я на секунду, – запинаясь, а потом, дождавшись, когда кивну, буквально бежит к столику, за которым мы до этого сидели.

Она за него не садится. Стоит рядом. Возможно, говорит с кем-то. Там же ещё девчонки были, может, кто-то ещё из их компании остался? Ну ладно, поработаю извозчиком, если надо.

Вижу, как плечи Веры опускаются, через секунду, развернувшись на каблуках, она шагает ко мне.

– Поехали? – уточняю, когда подходит.

– Да, Алина решила остаться, – на её лице досада и недоумение.

Домашняя правильная девушка – тут же утверждаюсь в своём выводе.

Я тоже смотрю на столик с компанией, и прежде чем выйти из зала, ловлю смешливый взгляд Вадима. Тот даже вскидывает большой палец вверх.

Усмехаюсь. Вот извращуга. Чего он себе вообразил?

Тело Вики повисает на меня много килограммовым кулём, пока спускаемся к выходу. До тачки она сама не доходит, приходится нести и пихать на заднее сиденье.

– Будь рядом. Если её начнёт тошнить, скажи, остановлюсь, – приказываю Вере.

Та кивает слишком активно. Светлые пряди хлещут по щекам.

– Адрес, – коротко спрашиваю.

Вера хмурится и называет улицу.

– Дом покажу, – добавляет следом. – Номер не помню.

От Вики, так понимаю, ответа ждать не стоит.

Завожу мотор и двигаю в указанном направлении, но планы довольно быстро меняются. Потому что подругу, как я и предсказывал, начинает тошнить.

Останавливаюсь на тёмной обочине, где ту снова выворачивает. Вера утирает её лицо влажными салфетками, но Вика отбрасывает её руки, морщится от резкого запаха. Потом падает на заднее сиденье без сил.

Вера кусает губы, будто размышляет над огромным вопросом.

– Давайте всё-таки в больницу, – выдаёт она, наконец.

– Как скажешь. В какую-то конкретную?

– В ближайшую, если знаете, где она.

– Знаю.

Мы снова трогаемся с места, голос с заднего сиденья долетает до меня.

– Давно в Москве?

Усмехаюсь, ловя отражение смущённой Веры в зеркале заднего вида.

– Родился здесь.

– М-м-м... понятно, – мямлит Вера. – Я тоже.

– Я Алексей, кстати, – решаю представиться.

Потому что эту часть мы как-то упустили.

– Спасибо, Алексей, – ещё тише произносит она.

Глава 3

Центральный вход больницы не работает. Алексей объезжает здание кругом, приближаясь к входу, который используют скорые. Несколько машин стоят перед нами, не двигаются.

Наш водитель тарабанит пальцами по рулю, вздыхает недовольно и коротко бросает:

– Ждите, я быстро.

И выходит из машины, не глуша мотор.

Пытаюсь разглядеть в тёмное окно, куда он направляется, но тщетно. Ждать – так ждать. А куда нам деваться?

Долго выдыхаю напряжение и откидываюсь на спинку сиденья. Оказывается, я какое-то время сидела прямо и спина практически онемела. Это, учитывая, что Вика буквально полулежит на мне и левая рука успела конкретно так затечь.

Аккуратно сдвигаю её и разминаю пальцы и локоть.

– Ну и ночка, – бормочу себе под нос. – Сходили, развеялись.

Вынимаю телефон, смотрю на экран. Там только какие-то оповещения о сообщениях из социальных сетей, звонков нет. Мама думает, у нас спокойный девичник, а её дочь вместо этого шатается по ночной Москве: по самым злачным местам и вот – даже до больнички доехала.

Алексея всё нет. Одна из скорых отъезжает и вторая пе-

редвигается ближе ко входу в один из боксов, а за нами уже пристраивается следующая машина. Пока город спит, здесь работа кипит.

– Вик... Вик? Как ты? – пытаюсь растормошить подругу, но та лишь стонет и бормочет, что её опять стошнит. – Лежи, лежи, – глажу Вику по волосам.

Может, тошнота – это хорошо? Организм очистится?

Всё-таки чувствую за собой вину, ведь второй бокал, который выпила Вика, был моим. Кусаю губы, пытаюсь прогнать неприятные мысли, а на улице тем временем начинает накрапывать дождь, хотя ничего его не предвещало.

Далее меня охватывает злость: с чего мне чувствовать себя виноватой? Это ведь она, а не я, притащила нас в бар... клуб... притон? Не могу определиться, как назвать это место. Интересно, как там Алина, пожелавшая остаться? Дурная голова нашла себе приключение на ночь.

Да и у нас – вот чем не приключение?

Алексей возвращается с подмогой. Вику вытаскивают из машины, перемещают на носилки. Всё это время я мнусь рядом с машиной, не понимая, что делать дальше. Алексей решает эту дилемму.

– Иди с ними.

– А вы? – хватаю его за рукав.

Опускает взгляд на мои пальцы, и они разжимаются.

– Простите.

– Машину отгоню и поднимусь, – поясняет.

Сбегаю, ничего не отвечая, слыша только острый звук собственных каблуков в узком больничном дворе.

Стоит войти в здание, резкий искусственный свет бьёт по глазам. Внутри порядком народу. Кто-то, возможно, ждёт ни один час. А мы вот – без очереди.

Вику увозят, медсестра даёт мне формы, чтобы заполнила и спрашивает:

– Совершеннолетняя?

– Кто? Я?

– Она.

– Вика? Да. И я тоже да.

Усмехается коротко.

– Отлично.

Опускаю взгляд на листы.

– У нас нет с собой документов.

– Заполни, что знаешь.

Когда появляется Алексей, я всё ещё вожусь с бланками. Он мне коротко подмигивает, хотя на лице застыла серьёзность, и идёт к медсестре. Они тихо о чём-то беседуют и та вскоре удаляется.

Ряд металлических стульев, на котором сижу, чуть трясётся, когда Алексей садится и съезжает ниже, упирая затылок в стену. Поднимаю взгляд, наблюдаю, как он прикрывает рот ладонью, зеваает и ерошит тёмные волосы.

Кажется, он устал, а тут ещё... мы.

– Если хотите, уезжайте, я дальше сама разберусь.

Он убирает ладонь, успевшую переместиться на глаза, и с иронией смотрит на меня.

– Ага, разберёшься ты. Ну-ну.

Пожимаю губы с недовольством. Мне его подколы совсем не нравятся. Не понимаю, насколько всё критично с Викой. Но если бы это был вопрос жизни и смерти, я позвонила бы родителям, несмотря на огромную выволочку, которую они бы мне дали.

– Разберусь. Не верите?

– Слушай, можешь мне не «выкать»? А то я каким-то страшным старым дядей себя ощущаю, – вдруг меняет тему. – Между нами ведь не такая большая разница. Наверное?

– Мне восемнадцать, – зачем-то обозначаю.

Алексей кивает.

– Девять лет. Не так уж и много.

– Но и не мало, – опускаю взгляд на бланки.

Кажется, я заполнила всё, что знала про Вику.

– Давай, отнесу. – Алексей протягивает руку, и я передаю документы.

А после наблюдаю, как он идёт к вернувшейся медсестре и о чём-то долго с ней беседует. Ко мне этот «дядя Лёша» больше не возвращается, стоит у ресепшена или бродит по приёмному покою, куда продолжают прибывать люди. Кто-то на своих двоих выходит, а кого-то ведут или даже везут. Это абсолютно обычная больница, районная, ни капли не похожа на частную, куда обычно обращается моя семья, да и у

родителей Вики, наверняка, также личный врач. Только сомнительно, чтобы подруга хотела сейчас афишировать своё состояние перед ними.

Здесь есть отдельные боксы, а в конце коридора просто ячейки с кроватями, разделённые занавесками. Время от времени какая-то из них откидывается, и я вижу людей, лежащих внутри.

Взгляд снова перемещается на Алексея. Он стоит ко мне в профиль, изучает какой-то плакат на стене. Высокий, крепкий, конкретный... но угрозы я не чувствую. Надо же... вписался помогать! Другой бы вызвал такси и сбросил ответственность. А этот вот нет. Зачем ему всё это? Сидел бы сейчас в тёплом баре с друзьями и отдыхал. Но, видимо, есть мужчины такой, как там говорится, формации.

От этих мыслей хочется улыбнуться, и я прикусываю губу, только бы не начать это делать.

Проходит ещё минут десять, а может, и больше – время тут странно тянется – и возвращается врач. Они с Алексеем о чём-то долго говорят, потом уходят. Что ж... мне остаётся только ждать... только ждать.

Зомбирую цифры на больших электронных часах. Те реально стоят на месте. Закрываю глаза, ощущая огромную усталость, и не реагирую на внешние раздражители и звуки, пока на меня не ложится большая тень. Я словно физически её ощущаю.

Это Алексей вернулся.

Он стоит, а я сижу. Приподнимаю бровь, мол, что там?

– У твоей Вики отдельная палата. О ней позаботятся. Пару дней она точно пробудет здесь. Станет лучше, уйдёт. Смысла тебе оставаться с ней нет, так что поехали: отвезу домой. Завтра навестишь, если захочешь.

Невольно складываю руки на груди, прежде чем ответить.

– Я всё-таки останусь. Подожду утра здесь.

– Долго ждать придётся.

Жму плечами, мол, и ничего. Ну не говорить же ему, что ехать мне некуда. Нет, в теории можно вернуться домой, но это вызовет огромное количество вопросов. Ненужных, неуместных и напрягающих. Ещё неизвестно, какие санкции применят ко мне родители, если докопаются до истины.

– Ничего страшного. Я терпеливая.

Алексей усмехается и спрашивает:

– Что случилось?

Проницательный гад. Кто он? Случайно, не следователь? Если так... то, Хьюстон, у нас проблемы. Вдруг он был в том значном месте по какому-то специальному заданию, а мы сорвали его с места? Мда... фантазия моя разыгрывается не на шутку.

– Что смешного?

Я, оказывается, начинаю улыбаться от собственных дурацких мыслей. Какой только бред не проникает в усталую голову!

– Я у Вики должна была сегодня ночевать. Ключей от

квартиры у меня нет. Идти сейчас к ней и пытаться выяснить, где они, – так себе идея, да? Так что... без вариантов. Я остаюсь.

Прикрываю глаза, чувствуя, что краснею. Боже, не хочу, а краснею. Но почему?

– А своего дома у тебя нет?

– Есть.

– Так давай туда отвезу.

– Далеко ехать. В область.

Ну не совсем в область, но всё-таки не ближний свет. Да и припираться в такой час домой непонятно с кем повлечёт за собой санкции от родителей.

Сквозь ресницы смотрю на Алексея, а он – на меня. Задумчиво приподнял бровь. Возможно, делает правильные выводы. Для него я, наверное, маленькая ещё. И глупенькая.

В области сердца снова что-то колет, а в животе рождаются незнакомые ощущения. Нет, это не рой бабочек, но что-то очень на него похожее.

Когда бровь поднимается выше, догадываюсь, что мои подглядывания не остались незамеченными. Вздыхаю невольно, пытаюсь сбросить напряжение. Но оно реально какое-то странное и сбрасываться никуда не спешит.

– Хм-м-м, – задумчиво тянет Алексей, прежде чем выдать: – Поехали, поспишь у меня.

– Что? Нет! – чуть ли не подсказываю. – Нет.

– Почему? Боишься?

– Нет, – мотаю головой. – Мы уже и так напрягли вас... тебя... не хочу быть ещё большей проблемой.

Он трёт подбородок.

– Проблема возникнет, если я до утра проторчу здесь с тобой, на этом адском металлическом стуле, – кивает на скамейку с сиденьями. – Так что поехали.

– Не обязательно...

– Обязательно. Я уже взял на себя ответственность, – перепробовывает он.

И по взгляду читаю, что так и есть. Это он сам для себя решил.

– Я могу переночевать в гостинице, – размышляю.

В целом – чем не вариант? И как это сразу мне в голову не пришло. Только...если родители решат проверить счета, начнутся неприятные вопросы. Можно снять наличку, но опять же: сколько сейчас времени? Выписка по счёту покажет, где я посещала банкомат и в каком часу. И снова вопросы. Но я готова рискнуть, только бы не напрягать Алексея ещё больше.

– У тебя что, деньги лишние водятся? Или ты в хостеле ночевать собралась в номере на двадцать человек? Поверь, у меня не пятизвёздочный люкс, но всяко лучше. Да и ты сейчас ещё поищи свободное место – выходной же. Большинство отелей забито туристами, с хостелами, думаю, аналогично. Короче, поехали, я не серый волк, и есть тебя не собираюсь. Трогать не буду.

– Потому что я не в твоём вкусе? – высказывает у меня, когда поднимаюсь на ноги.

Снова долгое задумчивое «хм» и чуть слышное:

– Да я бы так не сказал.

К выходу я иду красная, как помидор.

– Я невкусная, – бормочу себе под нос с опозданием.

Алексей это, кажется, улавливает, но никак не комментирует, лишь усмехается коротко.

Кажется, все провожают нас взглядами. Но это действительно только кажется. Никому нет дела до разодетой девушки на высоких каблуках и парня в тёмной кожаной куртке.

Алексей спокоен, он не хмурится, у него абсолютный «покер фейс», когда мы садимся в машину. Он отогнал её подальше, в угол больничного двора. В этот раз я на переднем сиденье, зомбирую взглядом бардачок перед собой, пока Алексей ищет уютную волну по радио. С музыкой. Потому что, видимо, всем диджеям в этот поздний час приспичило поболтать. Бу-бу-бу из динамиков сменяет ритмичный дип-хаус, а я отворачиваюсь к окну, когда мы протискиваемся мимо машин скорой помощи к выезду.

– Есть хочешь? – раздаётся слева.

Качаю головой с тихим:

– Нет, спасибо.

На этом беседа о кулинарных пристрастиях закончена: и реальная, и аллегорическая.

Больше мы не заговариваем. Едем в молчании. Я думаю

о какой-то ерунде. Например, о том, какая красивая Москва ночью. Какое на дорогах оживлённое движение. Как широки проспекты. Как живописно висят капли прошедшего дождя на паутинках проводов.

Короче – о чём угодно думаю, только бы не вспоминать события минувшего вечера и не гадать, что будет дальше, когда мы приедем по адресу.

Глава 4

До утра я не могу сомкнуть глаз, всё кажется мне какой-то нереальностью. Я у подруг-то ночевать редко оставалась, мама всегда предпочитала, чтобы приезжали к нам, а тут – она была бы в шоке. Не пойми с кем, не пойми где, попала девка в переплёт.

Мужчина на раскладном кресле лежит, не двигается. Я вижу его тёмный силуэт.

По его ровному дыханию понимаю, что Алексей заснул. Правда, от этого мне нелегче. Смотрю на потолок – там призрачные тени от деревьев за окном, а силуэты старой мебели, которой заставлена комната, для меня – масса неясных очертаний.

Мы где-то на севере города в старом районе пятиэтажек, которые, наверняка, когда-нибудь снесут. Возможно, в скором времени. Дом на четыре подъезда. Наш был крайний. И пешком на последний этаж. В квартире две входные двери, узкая квадратная прихожая с наклонившейся от кучи одежды вешалкой.

Я в таких случайных «хатах» никогда не бывала. Жильё выглядит так, будто ремонт здесь был лет сорок назад. Возможно, так оно и есть в действительности.

Алексей за время пути словно уходит в себя, коротко объясняет где что, и пока я перевожу дух за дверьми ванной,

быстро стелет мне на диване. Небрежно брошенная на подушку футболка намекает, во что я могу переодеться для ночёвки.

Он уходит на кухню, а я ещё долго лежу, зажмурившись, и спрашиваю себя: почему не поехала в гостиницу или не позвонила брату? Сева бы примчался за мной, поругал, конечно, но родителям бы не стал сдавать, даже если б и не просила.

Я слышу приглушённый голос хозяина. Он с кем-то разговаривает по телефону. Потом до носа долетает еле уловимый аромат табака. Становится тихо. Так тихо, что я, кажется, слышу стук собственного сердца.

И дыхание мне кажется оглушительным.

Особенно в тот момент, когда Алексей возвращается в комнату.

Да, он выждал достаточно, давая мне время уснуть. И я думаю лишь об одном – как бы не спалиться, что не сплю.

Не знаю, чего боюсь больше всего: что начнёт приставать или что заведёт разговоры. И того, и другого опасюсь в равной степени.

Он обещал, что трогать не будет. А я ещё, дурёха, уточнила, это потому, что я не в его вкусе? Это его «да я бы так не сказал» засело на подкорке. Вертится и вертится в голове. Без остановки. И стоит сказать – волнует. Неприятно волнуется. Потому что внезапное незванное тепло внизу живота меня совсем не радует.

Очень быстро Алексей засыпает на скрипучем раскладном кресле. А я так и дрожу под одеялом непонятно отчего.

Дрожу до той поры, пока усталый мозг не одерживает победу в борьбе с нервами. И я, наконец, забываюсь неглубоким тревожным сном.

Чистое ясное небо – первое, что я вижу. Вернее, не всё небо – а кусочек. От этой синевы режет в глазах, пока я пытаюсь понять, где нахожусь. Картинки вечера накануне быстро заскакивают в голову, и хочется застонать от досады.

Увы, мне это не приснилось.

Внезапно осознав, что могу быть в комнате не одна, я накрываю рот ладонью на полувздохе и посматриваю на разобранное кресло. Но там никого. Алексей, видимо, давно встал. Когда прислушиваюсь, понимаю, что он на кухне. Там какая-то тихая движуха.

Мистер Деликатность.

Не соврал ведь вчера. Не приставал: ни с разговорами, ни с чем-либо ещё.

Может быть, будто я повзрослее и понаглее меня бы это огорчило, но в данной ситуации его равнодушие к моей персоне меня скорее устраивало, чем злило. Однако где-то там, в глубине души точило недовольство. Неужели я настолько невзрачна и неинтересна, что не могу вызвать у мужчины отклик к действию? Я ведь ему понравилась... да? Понравилась же?

Сгребаю одежду и на цыпочках крадусь в ванную. Конеч-

но, мои передвижения не останутся незамеченными, но на глаза хозяину жилища я пока показываться не готова.

Очень быстро привожу себя в порядок, стараюсь усмириться распушившиеся во все стороны волосы, колеблюсь, но делаю лёгкий макияж. Так, пара взмахов кисточкой туши – по крайней мере, глаза уже не выглядят щёлочками.

В голове гудит – это от недостатка сна и от перспектив – выходить и разговаривать с этим.

Впрочем, можно и не разговаривать, буркнуть спасибо и убежать.

Но вопреки страхам любопытство никуда не делось. И это удивительное открытие – мне не очень-то и хочется сбегать.

Вернувшись в комнату, сижу на диване. Собираюсь с мыслями. Потом думаю, что стоит прибраться, но кроме как сложить постельное бельё в ровную стопку, больше ничего не могу.

И прятаться дольше не могу. Поэтому через какое-то время снова вхожу из комнаты, чувствуя себя какой-то преступницей. Один бог знает почему!?

У двери кухни я медлю, словно в пошлой комедии одним глазом заглядываю внутрь. Будто там меня может ждать то, что мне совсем не понравится. Но самое ужасное – мне нравится то, что вижу.

Смесь нервного напряжения и неизвестности приводит в тонус, а мужчина по ту сторону порога волнует.

– Выходи, чего подглядываешь?

– Я не подглядываю.

С вызовом приближаюсь ближе, а у самой коленки дрожат. Боже, я в чужом доме с незнакомцем. С опасным незнакомцем. Ведь простые не ходят в заведения типа того, где мы были накануне. И я не понимаю, что у него на уме.

– Откуда это? – киваю на уродливый шрам, пересекающий бок и скрывающийся за поясом джинсов.

Катастрофически низко сидящих джинсов на поясе этого мужчины.

Рука против воли тянется к его телу, живет отдельно от меня. И от мозга, по всей видимости.

Но он быстрее: ловит меня за запястье и качает головой.

– Лучше тебе это не знать.

Я хорошая девочка и никогда не попадаю в неприятности, а он – другой... но мне придётся ему довериться. Вернее, я уже это сделала, попросив его помощи и уехав в больницу среди ночи, остаток которой провела у него дома.

– Как угодно, – жму плечами, просто надо что-то ответить.

Алексей усмехается и кивает в сторону стола.

– Завтрак? Правда, у меня тут негусто: бутерброд и кофе. Сойдёт?

– Да я как бы не...

– Сойдёт?

Киваю, сдаваясь, потому что дальнейшие споры выглядят глупо.

– Сойдёт.

Пока усаживаюсь за стол, Алексей на несколько минут удаляется из кухни, а возвращается в футболке. Прекрасно – я больше не вижу его обнажённого торса. Ужасно – под чёрной тканью мышцы корпуса и крепкие бицепсы выглядят ещё более сексуально. На лице его проскальзывает что-то хищное. И я думаю, что он не так уж прост... совсем непрост... и его участие, и вежливость не должны сбивать меня с толку.

Закипает электрическая турка, и передо мной оказывается кружка с кофе.

– Спасибо, – благодарю, а сама пялюсь на длинные пальцы, отпускающие стеклянную ручку.

Как там в книгах пишут: напряжение можно было резать ножом? Дайте тесак – иначе мне не пробиться сквозь заросли не пойми чего за глотком кислорода.

Видимо, я реально покраснела, потому что Алексей молча приоткрывает окно. Отлично – свежий воздух как раз то, что надо.

– У тебя, наверное, дела есть, я задерживаю, – зачем-то выдаю, сама не понимая, чего добиваюсь: узнать, реально ли у него есть дела, то ли услышать, что не напрягаю.

Алексей, отворачивается к окну, за которым его что-то привлекло.

– Нет, всё нормально, – говорит ровно. – Завтракай, потом скажешь, куда тебя отвезти.

Вот так – быстро...

Ну а что? Ночь закончилась – миссия спасителя выполнена.

Над озвученным вопросом я уже думала, поэтому ответ пришёл быстро.

– В больницу. Надо забрать Вику.

– Не факт, что выпишут.

– Хотя бы навещу её, ключи захвачу от квартиры. Она ведь, наверное, уже проснулась.

– Вероятно, утренний обход, все дела.

Боже... о чём мы говорим... и как всё странно.

В принципе, я и сама могу добраться до больницы, только чувства противоречивые. С одной стороны, не хочу напрягать Алексея, с другой – так быстро говорить «пока» тоже не хочу. Хотя что мне даст лишних полчаса в дороге?

Бутерброд куда-то делся – оказывается, я так быстро его съедаю, что даже не понимаю этого.

– Может, что-то приготовить надо? На завтрак? Я могу...

– выскакивает внезапно.

Смешок Алексея тихий, но различимый.

– Первое, второе, компот...

– Серьёзно?

– Нет, – бросает весёлый взгляд через плечо. – В этом холодильнике пусто. Если ты голодна, можем куда-то заехать позавтракать.

– Я? Я нет... нет... я не голодна, – отрицательно мотаю

головой и заикаюсь, внезапно пугаясь не пойми чего.

А внутри опять этот дурацкий голос, вот он твой шанс – перевести дурацкое знакомство в другую плоскость.

Но... если бы я была ему интересна, он бы, наверное, уже как-то это проявил? Номер хотя бы попросил... Например? Да ведь?

Глоток кофе с каким-то титаническим усилием скользит по горлу.

Это что же значит? Что это за мысли? Чёрт... надо выспаться, проветрить голову и не думать... не думать о глупостях. Бр-р-р...

– Что такое? – мягкий баритон ласкает уши.

Оказывается, я тут головой раскачалась.

– Ничего... так... шея затекла.

«Шея затекла? Серьёзно? Феноменально, Вера!»

Прекрасно, решит, что я странная. А мне ли не всё ли равно, что он решит?

А почему он сказал: «в этом холодильнике»? Не в моём, а в этом?

Мысли скачут, словно розовые пони – одна с другой на третью.

Прежде чем я спрашиваю очередной бред, Алексей уходит, и я ещё больше чувствую себя ни к селу, ни к городу в этой квартире.

Какой уж тут интерес? Пытается быстрее сбегать меня с рук. Пригрел на ночьку и всё – это просто вежливость и

ничего не значит.

Через минут пятнадцать мы в машине. У Алексея постоянно трезвонит телефон, но он то и дело сбрасывает, и я не понимаю: ему просто не хочется говорить или не хочется говорить при мне?

Не была я в этом районе, но дорогу запоминаю. Зачем спрашивается?

Ответа нет.

Когда мы подъезжаем к больнице, я бормочу «спасибо» и открываю дверцу.

Успеваю встать на ноги, когда Лёша окликает меня.

– Вер... Слушай, тебе точно помощь больше не нужна?

Поворачиваюсь и жму плечами.

– Какая?

– Любая.

Формулировка сбивает с толку.

– Может, тебе деньги нужны? На обед или проезд? Насчёт подруги твоей я договорился, можешь не беспокоиться, а в остальном....

– У меня есть деньги, – перебиваю. – Спасибо. Всё нормально.

– Точно?

– Точно.

Он поднимает руку ладонью вверх и быстро отъезжает. А я стою и моргаю. Кажется, первый раз за утро жизнь перестаёт напоминать игровую симуляцию, мир обретает краски

и звуки.

И на душе как-то тоскливо. И картинки эти непрошенные – обнажённого по пояс тела с уродским длинным шрамом. Который должен бы сигнализировать мне об опасности, но чувства притупляются, остаётся лишь интерес.

Разворачиваюсь на каблуках и топаю по ночным лужам до входа на территорию больницы. Потом до нужного корпуса и, наконец, этажа.

Вчерашняя одежда неприятно льнёт к телу. Хотелось бы сменить туфли на кроссовки, а блузку с курткой на толстовку – так точно станет привычнее.

У Вики одиночная палата. Алексей устроил её, прямо скажем, по-королевски. Вот только моя подружка на узкой кровати совсем не выглядит особой голубых кровей. Бледная, измученная, но хотя бы в сознании.

– Вика... Как ты?

– Вер... – стонет та.

Подхожу к кровати, неловко дотрагиваюсь до протянутой руки.

– Вер... да хреново как-то.

Кусаю губы. Мне надо ей признаться, что это я виновата в её состоянии. Только как? Стыдно же!

Но я всегда была за честность.

– Вика, ты меня прости, я просто не подумала.

– За что? О чём? За то что поймала крепкого мужика, который помог дотащить меня до больнички? Так я не возра-

жаю даже.

Эти шуточки у меня улыбки не вызывают.

– Да нет же, – перебиваю. – Это из-за меня тебя так... Ты же не только свой бокал выпила, но и мой. Я же его к тебе переставила.

– Новость века, – вместо ожидаемых мной обвинений отмахивается. – Я бы и три, и четыре выпила, и ничего бы не было. Тут вообще не в тебе дело.

– А в чём? – Меня вдруг осеняет. – Подсыпали что-то? В вине что-то было?

– Фильмов пересмотрела? – Вика что у виска пальцем не крутит. – Вадим такой хренюю не занимается. Зачем ему? Девчонки сами на него и его ребят вешаются, – по её лицу скользит короткая улыбка. – Сама же оценила, какие у него парни в компании, а?

– Вика, мне не до смеха, честно. Тогда не понимаю, что с тобой было?

Игнорирую её намёки. Да и в общем-то подружке не обязательно знать, где и с кем я ночевала.

– Да таблетки я принимаю неделю от... ай, не важно от чего, короче. Не совместимы они с алкоголем. Хотя я и три дня назад пила, всё норм было, но... может, накопительный эффект. В общем, ни причём ты, не загоняйся. Сама я дура.

Мы какое-то время болтаем, потом Вика просит дать ей сумочку и вынимает ключи от квартиры, чтобы я смогла забрать свои вещи. Сама она планирует остаться до вечера, по-

тому что ещё чувствует слабость.

– А может, и до утра. Маман всё равно в отъезде, да её бы это и не особо взволновало бы, – с какой-то даже грустью добавляет она.

Ничего с собой поделать не могу, но глажу Вику по голове. Там долгая история. С рождением младшей дочери, мать совсем забила на старшую, да и в целом, года три-четыре назад стала воспринимать её как конкурентку. Тема для подруги болезненная, а для меня дикая. Не могу представить, чтобы мою мать так переклинило.

Вика шарахается от моего сочувствия, и я больше не переступаю черту.

А вот ставя сумку обратно на столик, обращаю внимание на бумажки – договор на палату и лечение. Это то, о чём побеспокоился Алексей. Цифра на страничке со стоимостью услуг кажется мне высоковатой. Нет, ну может это и адекватная плата, только вот не в том случае, когда тебя совершенно случайно привлекли в спасители и извозчике две девицы в беде. Так я рассуждаю.

А далее мозг начинает по полной раскручивать историю, пытаюсь найти предлог для новой встречи с Лёшей.

Я ничего не могу поделать. Это происходит само собой. И азарт, катающийся на кончиках нервных окончаний, меня немного пугает.

Глава 5

Через пару часов я у брата. Готова аж приплясывать от нетерпения. Вот так всегда – загорюсь идеей и надо срочно её реализовать. Почему срочно? Пока не передумала, конечно же...

А тут такое вполне возможно...

Звоню в дверь, потом зачем-то колошмачу в неё же кулаком. Глухое «бум-бум» разносится по этажу. Мне отсюда непонятно, а есть ли жизнь по ту сторону? В теории Сева может быть где угодно с кем угодно, на телефон же не отвечает. Но одно я точно знаю о своём брате – ночевать он предпочитает дома. В своей кровати.

Ещё раз набираю его номер.

– Алло, – вдруг раздаётся хриплое и прямо в ухо.

– Сева, дверь открой, это я.

После секундного замешательства достаиваюсь короткого:

– Сейчас.

Всё, он обрубает звонок. И через несколько секунд вход открывается.

Я протискиваюсь мимо него в квартиру.

– Всю ночь гулял?

– Ну... да. И как бы рассчитывал поспать, – трёт лицо ладонями. – Вер, что случилось?

– Ничего не случилось.

– Серьёзно?

Иду вперёд, пока брат запирает дверь.

– Серьёзно, – бросаю через плечо. – Денег дай.

– Та-а-ак, поподробнее можно?

Брат обходит застывшую меня и плюхается на бесконечный бежевый диван, стоящий у стены буквой «П». Он зевает в кулак, а затем в упор смотрит на моё недовольное лицо и приподнимает бровь.

Мы разные. И по характеру, и внешне. Я блондинка – даже не знаю, в кого такая пошла, а Сева – тёмные шатен. Оттенок глаз тоже разный. Нос, губы, подбородок, лоб – хах, попробуйте найти хоть что-то общее.

И выдержка у Севыча стальная, не то что у меня. С другой стороны, ему перенимать дела у отца и вставать во главе компании. Так что у меня складывается впечатление, что он годы рос с осознанием своей миссии.

Впрочем, ничто человеческое брату не чуждо.

Вот и ирония в голосе прорезается.

– Сколько, когда, почему свои не снимешь? – начинает задавать конкретные вопросы.

– Я тебе потом верну.

– Это не ответ.

Жму плечами.

– Не хочу вдаваться в подробности.

– А я не хочу ничего тебе давать без этих подробностей.

Если у тебя проблемы, я должен быть в курсе. Ну... если ты к родителям идти не хочешь.

Постукиваю ногой чуть нервно.

– На деньги попала? Испортила чью-то собственность? Откупиться надо? – он продолжает сыпать вариантами.

И я почти рычу:

– Это не мне, это Вике.

Технически так и есть. Но по сути Алексей ничего не просил, и вернуть деньги, которые он оставил за мою бедовую подругу в больнице – моя собственная инициатива.

«Врёшь! – с новой силой вопит внутренний голос. – Тебе просто нужен повод увидеться с ним ещё раз».

Ну да... типа того. Готова скрежетать зубами от раздражения.

– Вике?

– Подруге моей. Сумма не астрономическая, но если я сниму её со *своего* счёта, у родителей возникнут вопросы.

– А ей зачем?

Коротко я ввожу его в курс дела, стараясь не вдаваться в подробности и уж, конечно, не упоминая Алексея. Всеволод задаёт закономерный вопрос: почему Вика не обратиться к своим родным.

– Ну... у неё, в отличие от меня, нет такого замечательного брата. А родители... там всё сложно...

Сева, переместившийся к холодильнику и наливающий себе стакан воды, бросает крайне ироничный взгляд через

плечо.

А я медленно бреду к дивану, пока не замечаю кое-что на полу. Наклоняюсь и подцепляю кончиком пальца предмет женского белья. Бюстик из тонкого материала болтается на узкой бретельке.

– Что это?

– Ночное приключение, – долетает до меня.

– Ты не один?

Сева хмыкает.

– Один.

– Тогда... – кидаю бюстгальтер на диван, – как это оказалось здесь?

– Пришло вместе с хозяйкой.

Закатываю глаза.

– А ушли они по раздельности?

– Вот именно.

Сева наливает мне воды и бормочет что-то насчёт того, что выгляжу я не очень. Хватает позабытое хозяйкой бельё и выкидывает в мусорку.

– Эй, – пытаюсь его остановить, – это вообще-то дорогая штука.

– И что дальше? Я это хранить у себя не собираюсь.

– Вернул бы.

– Навряд ли мы ещё увидимся.

Его спокойный тон меня почему-то задевает.

– А брат-то у меня циник, да?

– Ничего подобного, я нормальный парень, – возражает он и как бы размышляя, добавляет: – Обычный даже...

Решаю с ним не спорить.

– Да-да-да... ну так что насчёт моей просьбы?

– Сейчас принесу, сколько там тебе надо?

Удивлённо приподнимаю брови.

– Так у тебя и сумма нужная имеется? Наличкой?

– Не астрономическая же.

Напоследок он смотрит на меня так пристально, сканирует прямо, и мне кажется, у меня на лице написано, что я собираюсь делать. Уверена, если б упомянула об Алексее, брат бы сам поехал с ним разбираться, сам бы погасил долг, так что версия с подругой – самая надёжная. И ему спокойнее, и мне.

– Спасибо, ты самый лучший, – чмокаю его в щёку на прощание.

– Знаю, но... спасибо, что напомнила, – усмехается Севыч.

А я вылетаю из его квартиры и... вызываю такси, чтобы поехать к Вике и спокойно поспать. Потому что в голове реально туман.

Да и надо бы привести себя в порядок, прежде чем заявлюсь к Алексею.

Планирую сделать это уже сегодня вечером. Мысль взять паузу в несколько дней отбрасываю сразу. Мне надо проверить всё здесь и сейчас. И даже эти несколько часов отсроч-

ки кажутся мне непозволительной тратой времени.

Есть ли вариант, что я затаю и передумаю? Когда через несколько часов сна я открываю глаза, в голове ясность, а решимости ни капли не убавилось. Мысль, что навязываюсь, сразу же прогоняю.

Но я же по делу... Не люблю копить долги, верно? Так ему и скажу.

И ещё раз выражу безграничную благодарность. Вот прямо так и скажу.

Именно это крутится в моей голове, когда поднимаюсь по стёртым ступенькам старой пятиэтажки к квартире Алексея. Страх нет, есть волнение. И небольшое сомнение, а дома ли хозяин. И как он меня встретит... на этот раз.

Почему-то думаю, что придётся ждать долго, пока мне откроют, а трусиха в глубине моей души хочет, чтобы хозяина не было дома и можно было сбежать.

Но дверь распахивается, едва замолкает трель звонка. И хозяин жилища без капли удивления смотрит на меня.

– Забыла что-то?

В его голосе нет грубости, лишь вопрос.

Но на меня нисходит немота. Я лишь смотрю на него и хлопаю глазами, будто дурочка.

«Ну почему «будто»? Дурочка и есть», – подначивает с ехидством внутренний голос.

– Вера? Что-то случилось? – выражение лица у Алексея меняется, когда пауза с моей стороны затягивается.

– Нет, – отмираю, отчаянно качая головой.

Вот так... все фразы, которые я прокручивала про себя по дороге сюда, испаряются. Можно, конечно, просто улыбнуться, но, боюсь, буду выглядеть ещё глупее, чем сейчас.

– С Викой всё хорошо, – зачем-то добавляю.

– А с тобой? – усмехается Алексей и, складывая руки на груди, откидывается спиной на стену коридора, затем кивком приглашает внутрь. – Заходи.

– Эм... да я... ненадолго, – зачем-то бормочу, но в квартиру захожу.

– Так как насчёт тебя?

– Что насчёт меня?

В узком коридоре Алексея слишком много. Распрямив плечи, протискиваюсь мимо него, но наши руки всё равно соприкасаются.

Не знаю, чувствует ли он... но по моему телу проходит разряд. Только он не исчезает, а поселяется внизу живота, где ощущается странная тяжесть на грани с тоской.

Что это?

Такого я ещё не испытывала... Это так странно. Крайне странно... Пугающе даже как-то.

– Что-то случилось с тобой?

– Нет.

– Тогда?..

Приподнятая бровь побуждает продолжать.

Я опускаю голову и роюсь в сумочке, попутно бормочу:

– В больнице сказали, что палата платная и что за процедуры тоже всё заплачено. Это в общем-то не твои проблемы... Мне как-то неловко... Так нельзя...

Вытаскиваю конверт с деньгами, протягиваю Лёше и, вскинув голову, вижу, как улыбка на его лице безвозвратно тает.

– Убери, – отрезает коротко.

– Да как-то неловко, – повторяю.

– Кому неловко? Тебе или Вике?

Вспыхиваю, как свечка. Боже... щёки горят.

– Нам обеим, – тихо отвечаю.

– У-у... хм... – тянет Лёша. – Убери. Я от этой суммы не разбогатею, а ты не обеднеешь. Поэтому не валяй дурака.

– Но как же так...

– Убери.

Не решаюсь дальше спорить.

– Прости, – ещё и извиняюсь.

– За что?

– За глупости.

– Да не глупости это. Но реально... лишнее. Не стоило.

На его лице снова улыбка. А как он смотрит? Будто всё понимает. Например, и то, почему я здесь на самом деле. И что дело не в деньгах вовсе.

– Но могу я тебя как-то отблагодарить? Серьёзно... неловко... сорвали от друзей, ещё и потратился на левого человека.

Это уже вылетает на автомате и почему-то вызывает усмешку у притягательного хозяина квартиры.

Он снова складывает руки на груди и чуть наклоняется ко мне.

– Ну... отблагодари...

В его голосе мёд и сладость... Интонации изменились. И лёгкая тяжесть в моем животе превращается в нечто неподъёмное.

– А как?

– Ты же взрослая умная девушка... придумай что-нибудь.

У меня галлюцинации или его лицо реально становится ближе. Нет... мне не кажется. Потому что выдох от очередной усмешки касается моей щеки.

– Я... я не знаю.

– Совсем нет идей?

– Совсем нет.

– Ну что ж такое-то... – разочарованно тянет Лёша. – Неужели мне придётся что-то самому придумывать?

Всё, что я могу, это продолжать стоять молча и хлопать глазами, пока он подкалывает меня. Потому что когда его губы коротко касаются щеки, именно это и приходит мне в голову.

– Поехали кофе попьём, мне в любом случае по делам надо. Ты меня буквально на пороге поймала.

Только сейчас замечаю, что он в куртке и действительно

куда-то собирался.

Куда? Дела личные или нет?

Покусываю губу, а щека горит. То самое место, пяточок сантиметр на сантиметр, куда на долю секунды прижались его губы.

Нет, я немного разочарована, хотя с другой стороны – у меня идей не возникло. Вернее, те, что возникли, я не решилась озвучивать. Да и не говорят о таком вслух парню, которого знают чуть больше суток.

Но кофе... что ж... это тоже неплохо.

И если мы зацепимся, это будет не последняя наша встреча.

Всё это так нетипично, так нехарактерно для меня. Я не из тех девушек, что вешаются на парней, ищут встречи, подстраивают случайности. И понять не могу, чем так меня привлёк Алексей, что я вдруг начала этим заниматься.

В кармане вибрирует телефон. Вытаскиваю наполовину и вижу на экране «мама». Чёрт... совсем забыла ей перезвонить.

Сбрасываю и судорожно соображаю, что же сделать.

Телефон снова звонит. Вынимаю и ставлю на беззвучный режим.

– Можешь ответить, поговорить, – вдруг бросает Алексей. – Я постою в сторонке, покурю. Обещаю не подслушивать.

– Да это не срочно.

Когда сажусь в машину, перекладываю телефон в сумку, где на дне тяжелой ношей лежит не востребовавшая пачка денег.

В целом, можно было догадаться, что Алексея возмутит моё желание компенсировать его затраты. Другой бы, может, и взял. Но не Лёша, он немного иного склада мужчины.

«Пф-ф-ф, и когда это ты успела его так хорошо узнать?» – иронизирует мой внутренний голос.

Не успела, но чувствую, а интуиция у меня всегда была на высоте.

Глава 6

Смотрю на девчонку на пассажирском сиденье и думаю, что странно оно всё получается. Отвез ведь её сегодня в больничку и собирался вычеркнуть из головы насовсем. И интерес свой внезапный засунуть поглубже. Никакие отношения, даже короткие, мне сейчас не нужны. А просто секс – это не про неё. Хотя чего уж скрывать, привлекательная блондинка, смотрящая на меня таким взглядом, значение которого она и сама, наверняка, до конца не осознаёт, притягивает, будто магнит.

Возня в постели с наивными девушками, а потом утирание им слёз после, это точно не про меня.

Да и Вера хорошая... Видно же, что из приличных. В отличие от своих подружек. Те уже, как говорится, стрелянные воробы. А этот воробушек, вывалившийся из семейного гнезда, ещё слишком слаб и наивен.

У меня, конечно, были куда более приятные идеи, кроме кофе, когда склонился к ней в тёмном коридоре. Даже думал планы послать куда подальше.

Но притормозил.

Ну поддалась бы она, а дальше-то что?

Куда сбросить стресс, вернее, с кем, я всегда найду. А это... ну за хрена оно мне надо?

Мы едем до ближайшего торгового центра, на втором эта-

же кафе, вроде даже как американо тут приличное. Возможно, мне предстоит бессонная ночь, поэтому порция кофеина не будет лишней.

Едва сажусь на диванчик напротив Веры, подбегает официант. Делаем заказ, за который я, конечно, сразу расплачиваюсь.

– А как же... – растерянno тянет Вера. – Я же хотела тебя кофе угостить.

– Извини, но я не могу позволить девушке тратить на меня свои деньги.

– Выходит, я ещё и на кофе напросилась.

– Я там, где хочу находиться. Заставить меня что-то сделать, ты точно не в силах.

А вот теперь сиди и переваривай мои слова. На лице Веры крайне забавное выражение.

– Понимаешь, я вчера вам сам помог. Ты попросила, я откликнулся. Поэтому не надо пытаться вернуть мне долг, Вера. Его просто нет. Долг – это немного по-мужски, ты же очень женственная.

– Спасибо, – чуть усмехается, – даже не знаю, как на такие слова реагировать.

– А что тебя смущает?

– Как-то слегка патриархально прозвучало.

– А ты значит из тех модных феминисток?

– Вовсе нет.

– Вот и отлично, не люблю излишне повёрнутых на идеях

и лозунгах. Во всём должна быть мера. Странный какой-то разговор, не находишь, – меняю тему. – Расскажи лучше про себя. Чем занимаешься? Давно ли в Москве?

– Учусь. Давно, наверное...

– А откуда такая неуверенность?

Вера закладывает прядь светлых волос за ухо и чуть краснеет.

– Ну, в последнее время понятие «Москва» как-то сильно... растянулось.

– А ты об этом... – смеюсь. – Да, есть немного. Я то сам прямо в центре вырос, но город стремительно развивается. Это нормально.

– И всё-таки она резиновая, да?

Мы уже оба смеёмся, и разговор переходит в плоскость каких-то обыденных вещей. А ещё меня гипнотизирует волшебный рот Веры. Её губы – это что-то с чем-то. Я сразу заметил их прекрасную форму. Такие созданы для поцелуев. Вот нижняя чуть пухлее верхней, мне очень хочется попробовать её на вкус.

Хорошо, что мы в общественном месте, иначе бы я точно не сдержался.

Поцелуи могут увести гораздо дальше планируемого.

– Лёха, ты, что ли?!

Тень, накрывшая столик, заставляет меня резко вскинуть голову. Уходит не больше пары секунд, чтобы я узнал человека.

– Стас! Не ожидал...

Поднимаюсь, чтобы пожать руку.

– И, наверное, не узнал бы, если б сам не подошёл.

– Ну да, – тот коротко кашляет, маскируя смешок, и трогает полы лёгкого дорогого пальто. – Мало общего с армейским бушлатом.

– Совсем ничего.

Он бросает короткий взгляд на Веру, может, ждёт, что я их познакомлю, но в целом не считаю нужным этого делать. Лишь быстро проясняю для девчонки.

– Сослуживец бывший.

– Добрый день, – тихо кивает она.

– На пару слов? – Ярыгин мотает головой в сторону и снова быстро улыбается Вере. – Коротко. Не хочу вас отвлекать.

Мы отходим на несколько метров, встаём у ограждения, за которым пара пролётов вниз и вид на огромный холл торгового центра.

Оборачиваюсь на Веру, та уже вынула телефон и с кем-то разговаривает, то и дело посматривая в нашу сторону.

– Слушай, Лёш, реально не хочу отвлекать, давай в другой раз встретимся и поболтаем. Рад тебя видеть, совершенно искренне. Ты надёжный парень, а надёжные люди мне сейчас очень нужны.

– А что такое, Стас? Нет, я тоже рад. Неожиданные встречи – это всегда приятно.

– Ну... смотря с кем, – пожимает плечами.

– Со старыми приятелями, конечно, – развожу руками и достаю телефон. – Диктуй номер.

Ярыгин что-то начинает втирать по поводу работы, и я думаю, что только вернулся, а мне уже предложения со всех сторон. Осталось выбрать, где выгоднее.

– А ты поднялся, это... круто. Правда, чего удивляться? Ты всегда был парнем целеустремлённым.

– Да я только в начале пути, – отмахивается Стас. – Ладно, набери мне, пообщаемся в спокойной обстановке. Ну и если с чем помочь надо, звони. У меня масса подвязок в городе, разрулят любую ситуацию.

– Смотря на каких условиях, – задумчиво бросаю, думаю о родительской квартире.

– Не без этого.

Мы оба смеёмся.

– Ну, иди, а то девушка твоя заскучала.

Не переубеждаю его, что Вера не моя девушка, потому что не хочется, чтобы пристальное разглядывание Ярыгина переросло в повод для знакомства. Станные собственнические чувства определяю просто как стандартный мужской эгоизм. Ничего сверхъестественного, наверное.

Когда возвращаюсь к столику, замечаю, что Вера разглядывает афиши кинотеатра на стенах. Тут выше этажом зал.

– Любишь кино?

– Редко хожу, если честно.

– Можем это исправить.

Она таким взглядом смотрит на меня, что я в очередной раз ощущаю, что попал.

Таким образом, когда мы выходим на улицу, в мои планы вклинивается новое свидание. Которое, конечно, в них раньше не входило.

Ну и за хрена оно мне надо? Сам ведь предложил.

– Куда тебя подкинуть? – спрашиваю, когда выезжаем со стоянки.

– До метро можно.

– Я серьёзно.

– И я серьёзно. У тебя же дела.

Искоса посматриваю на неё.

– Какая внимательная и заботливая Вера мне попалась.

– Угу, попалась.

Притормаживаю у станции метро и поворачиваюсь к Вере. Кладу руку на спинку её сиденья и наклоняюсь. Её взгляд вопросительно шарит по моему лицу, а губы чуть приоткрываются.

Это приглашение?

Да нет... ну, разве что несознательное. Эта девушка ещё не умеет играть и фальшивить.

– Вот-вот. Попалась, – повторяю и наклоняюсь ещё ниже.

Точно. Они сладкие. Примерно такие, как я и думал. А ещё мягкие и податливые, легко раскрывающиеся под лёгким нажатием моего языка. Мне сразу хочется сделать поцелуй глубже.

А ещё хочется чертыхнуться, развернуть тачку и увезти эту Веру к себе. Потому что желание поднимается во мне охрененно мощной волной.

«Ошибка. Ошибка», – вопит мой мозг.

Лучше бы держаться подальше. Чем это чревато, сам до конца не понимаю, но на подкорке почему-то долбит эта мысль. Вера не похожа на тех, с кем я обычно завожу связи.

«Может, пора что-то менять», – включается разумная мысль.

Но на самом деле никаких мыслей в голове нет. Есть только желание и дальше терзать сладкие губы, которые с мягкой покорностью подчиняются мне.

Еду по координатам, которые оставил Вадим. Это где-то за городом. Дорога занимает практически четыре часа, выбраться из столицы в это время – дело непростое. Так бы я, конечно, быстрее домчал. Зато толкание в пробке – прекрасный способ привести мысли в порядок.

О чём я думаю?

О чём угодно мог бы... но все мысли только о Вере.

Зацепила.

Ведь сразу понял, не надо её трогать. Ну, не надо... Иначе пропаду. И, кажется, пропал.

Чистая нежная девушка... такая простая... жизни не видела. Ни капли фальши, ни капли притворства. И почему-то меня это подкупает.

– Ни о том Сокол думаешь! – ругаюсь сам не себя, барабана по рулю пальцами. – Ни о том...

На «Базу» я приезжаю уже за полночь. Можно было перенести визит на другой день, но Вадим сказал, они тут до трёх, как минимум, так что решаю не откладывать дело в долгий ящик.

«База» оказывается старым пионерским лагерем: заброшенным разбитым, однако древние деревянные дачи и пара более основательных кирпичных корпусов функционируют.

– Не заблудился? – Вадим крепко жмёт руку, когда выходит из машины.

– Навигатор привёл. Лесными тропами.

Засовываю ладони в карманы и иду за ним. Друг смеётся.

– Да уж... на этой грунтовке можно к чертям просадить подвеску.

Мы ещё треплемся о машинах, он интересуется, не хочу ли я купить что-нибудь покрепче. Ясен день – конечно, хочу, но бабки сейчас нужны на другие нужды. Мне с родительским гнездом разбираться.

В голове вдруг всплывают слова Стаса, что у него много подвязок в разных инстанциях. Что ж... если дело не покажется само, можно и воспользоваться щедрым предложением помощи от Ярыгина. В конце концов, какая разница кому взятку давать? Да хоть самому чёрту лысому. Тем более, жилищные дела сами себя никогда не решают.

Мы заходим в одно из зданий, где на входе четверо парней

треплются за перекур.

– Знакомься. Сан Саныч, начальник службы безопасности.

Здороваюсь с крепким мужчиной лет на десять, может, пятнадцать старше меня. Он коротко стрижен, улыбчив и многословен. Однако шестым чувством понимаю, что его врождённое или приобретённое по долгу службы обаяние – это лишь отменный способ прощупать оппонента.

– Здравствуй, Алексей. Весьма наслышан о тебе от Вадима. Рекомендует тебя, как надёжного человека.

– Что ж... приятно, когда старые друзья так хорошо о тебе отзываются.

Сан Саныч в общих чертах обрисовывает мне порядок в его ведомстве, а после интересуется:

– Может, всё-таки в оперативный отдел пойдёшь? Вадим сказал, у тебя отличный послужной список активных операций. Не заскучаешь-то в простой охране и водителем?

– Да уж сыт по горло я активными операциями, – говорю прямо. – Сейчас дел много, поэтому я бы поскучал на спокойной службе.

– Ну мы ж не в горячие точки персонал бросаем. Так... жёсткие переговоры или разболтать когда кого надо. Девяностые давно за плечами, никто цирк со стрелками не устраивает, однако всякое случается. У владельца крупный бизнес, сам понимаешь. И не только в центральном регионе.

Киваю, но настаиваю на своём, хотя его предложение об

оплате более оперативной работы достаточно щедрое.

В оконцовке мы договариваемся. У меня есть две недели, чтобы приступить к обязанностям.

– Ну а пока я вынужден тебя проверить более тщательно, – разводит руками Сан Саныч. – Сам понимаешь, работа такая. Первичная информация есть, а там... надеюсь, без чёрных пятен в биографии.

– Без пятен, – уверенно киваю, – можете проверять.

У меня есть одно неоспоримое преимущество – моя кристально чистая репутация. И это то, что я могу продать подороже в той работе, которую исполняю.

Территория у базы большая, тут даже озеро имеется. Туда мы с Вадимом и уходим на перекур – в покосившуюся беседку на берегу, подальше от лишних ушей и глаз.

– Спасибо, – благодарю ещё раз.

– Тебе у Саныча понравится, он мировой мужик и своих пацанов не обижает.

Усмехаюсь, прикуривая.

– А сам-то что к нему не идёшь?

– Ну... оказываю услуги по мере надобности, но знаешь, раз уж взялся вести своё дело, на нём и надо сосредоточиться. В найм я всегда успею.

– В найм, – повторяю со смешком, и Вадим подхватывает иронично. – А клубешник твой – это что?

– Это хобби, – отмахивается друг, – выгодное во многих направлениях. Кстати, ты вчера в каком направлении сразу

с двумя ушёл?

Значит заметил...

– В направлении больнички.

– В смысле?

– В смысле: можешь оставить идеи о приятном тройничке, если на него намекаешь. Подруге Веры стало плохо, пришлось её на промывание желудка везти. Я уж грешным делом подумал, не подмешивают ли в твоём заведении барышням в бокал чего-нибудь?

– Обижаешь... – тянет Вадим, хотя по нему не скажешь, что он обижен. – У нас всё исключительно на добровольной основе.

– Хорошо раз так.

– А что Вера? Одной-то ладно, плохо стало, а вторая?

Смотрю на Вадю и приподнимаю брови. Молча и без комментариев. Тот понимает и снова усмехается.

Ладно, мы что, подростки друг у друга детали о бабах выпытывать?

Когда часом позже выруливаю на трассу с раздолбанной грунтовки, думаю, что очень хочется услышать голос Веры. Мягкий и нежный. И только ночное время на часах меня останавливает от звонка. Спит, небось, малышка. Одна...

Пока одна.

«Соколов... ну, опять мысли ни о том. Ну, ни о том!»

Глава 7

– Что случилось, Вера? – голос матери строг и непреклонен. – Чем тебя не устраивает собственный дом?

– Мам, – тяну с мольбой, которую ненавижу. – Мам, ну меня всё устраивает, но можно я поживу у Вики, пока квартира не будет готова?

– Она будет готова через пару недель.

– Вот именно!

– Ну, мамочка? – сажусь рядом с ней на диван и обнимаю за плечи. – Мы вместе ездим в универ, делаем уроки после...

– Ой, Вер, не надо вот этого... уроки они делают. Скажи ещё лекции зубрите? Что я студенткой первого курса не была?

Улыбаюсь примирительно.

– Гуляем мы тоже вместе. Поэтому проще возвращаться в одно место, чем мне ехать так далеко.

– Так ночуй у Севы.

– Я не хочу ему мешать.

– Родная сестра за две недели уж точно не помешает. Давай я поговорю. Милая, ну одно дело ты выходные у своей Вики провела, а другое – каждый день жить нос к носу. Не уверена, что её родители будут в восторге, что вы устроите общежитие из квартиры их дочери.

Я понимаю логику матери, но не говорить же, что роди-

телям Вики в общем-то на это плевать. А жить у Севы не вариант.

Мы с Лёшей встречаемся уже две недели. Каждый раз после свидания он отвозит меня к дому Вики, а дальше тайными тропами я пробираюсь до нашей машины с водителем и мчу домой.

Мечтаю, чтобы моя квартира быстрее была готова к заселению, хотя и там у Лёши могут возникнуть вопросы. Жилищный комплекс бизнес-класса: откуда у простой студентки средства на покупку однушки в подобном месте?

Не знаю почему, но не могу сказать ему всей правды о себе. Почему-то кажется, его отвернёт, когда узнает, что моя семья при деньгах. Сам-то он, конечно, не бедствует, но... мы с разных орбит... это я и без лишних доказательств вижу.

Я ещё какое-то время пытаюсь уломать маму, и, вроде как, она сдаётся.

С подругой мы договорились. Так действительно будет проще. Лёша в курсе, что я живу у Вики. И что ищу жильё под съём, потому что места в общежитии не досталось.

Он даже предлагал помочь с выбором, мол, поспрашивает у знакомых, но я мягко отказалась, боясь, что за этим последует предложение пожить у него.

Не потому что мне бы не хотелось быть рядом, а просто слишком много последствий вышло бы из этого решения.

Но Лёша не форсирует события, и я ему за это благодарна. А ведь мог бы...

Захожу к себе в спальню и падаю на кровать. Она двухспальная с кованой спинкой. Усталая пушистым белым покрывалом. Спальня принцессы. Я тут особо ничего не меняла с тех пор, как мне стукнуло тринадцать. Конечно, я уже переросла такие интерьеры, в новой квартире всё будет иначе, а здесь пусть остаётся, как есть. Пока что...

Очень хочется позвонить Лёше первой, но я держусь. Мне до сих пор удивительно, что он обратил на меня внимание. Я не знала, во что выльется наш совместный поход в кино, даже рассматривала такой вариант, что продолжения не будет, но... мы процеловались весь сеанс. Я даже не поняла, что за фильм смотрели. А после болтали за кофейным коктейлем на фуд-корте. И это было так здорово. Вернее, с Лёшей было здорово и легко.

Он не расспрашивал прямо, предпочитал говорить на отвлечённые темы, не сообщая лишнего о себе, но и не вгрызаясь в меня с допросами. Быть может, считал, всему своё время?

А мне и на руку эта его сдержанность.

Звонка я не дожидаясь, ложусь спать, стараясь не грузить себя предположениями: где он и с кем. В конце концов, как говорит Вика: «это мужчины, иногда они пропадают, но не потому что забыли о тебе, просто у них много дел».

Надеюсь, что подруга права. Только мне хочется днём и ночью слышать голос Лёши, видеть его рядом, таять в объятиях, но боюсь, что эта болезненная тяга может его оттолк-

нута. В конце концов, он старше меня на десять лет. Единственная моя забота – хорошо учиться, а у него их, наверняка, целая уйма.

На следующий день в середине последней пары на телефон приходит короткое сообщение:

«Жду на стоянке».

Еле досиживаю до конца, а потом несусь к выходу, на ходу застёгивая кожаную куртку.

– Вер, ты с нами? – ловит меня Вика.

Выглядит она потрясающе, одета, как всегда с иголки, и не скажешь, что недавно она валялась на больничной койке.

– Нет, вечером увидимся. Я сегодня у тебя ночью, помнишь?

– Конечно, а завтра вещи закинешь. Как договорились.

– Да-да.

Вижу на её лице ехидную улыбочка, моя торопливость её забавляет.

– Смотри, голову по дороге не потеряй, – говорит со смешком, а потом наклоняется, чтобы шепнуть на ухо вдогонку: – или девственность.

– Иди ты, – пихаю в плечо беззлобно, а сама краснею как рак.

Да... это вопрос... который рано или поздно встанет в наших отношениях с Лёшей. И чем откровеннее и глубже наши поцелуи, тем сильнее он волнует меня. Готов ли парень в двадцать семь лет подождать... сомнительно. А готова ли

не ждать я?

Моё наваждение ждёт меня у большой тёмной машины прямо за воротами университета. Стоит, сложив руки на груди, и никак не реагирует, когда подхожу к нему и встаю вплотную. Лишь слегка наклоняет голову, чтобы коротко прижаться к губам.

– Привет, – шепчет, едва оторвавшись.

– Привет, – выдыхаю следом.

Мне хочется броситься ему на шею, растормошить, или чтобы он обнял крепко, но Лёша не особый любитель демонстрировать чувства на публике. Да и не уверена, что мне желательно делать это здесь, когда кругом полно однокурсников и ребят с потока, спешащих по своим делам.

– Присаживайся, – распахивает дверцу, и я послушно исчезаю в недрах автомобиля.

Привычно пристёгиваюсь, бросаю рюкзачок на заднее сиденье и ловлю Лёшу за руку, когда он, тронувшись с места, протягивает мне ладонь.

Игра пальцами заводит, особенно мягкие поглаживания по запястью. И уже на следующем светофоре мы целуемся все сто двадцать секунд, пока горит красный.

– Теперь точно привет, – вздыхаю, и Лёша улавливает моё настроение.

– Не хотел тебя смущать у ворот альма матер.

– Да всё правильно ты делаешь. Конечно.

– Как учёба кстати?

– Вроде нормально. Первая сессия покажет, – нервно смеюсь. – Кстати, можешь, поделишься советом, как оно будет? У тебя-то всяко опыт больше моего.

– Да не очень... не помню уже, – отвечает уклончиво.

– Кхм...

Мы до этого учёбу не обсуждали. Я даже не знаю, какое у Лёши образование. В голову приходит: «а вдруг никакого?»

Да нет... с ним можно говорить, о чём угодно. Кажется, он знает всё и обо всём.

Но ведь для этого не нужно заканчивать вышку?

Замечая, что пауза затянулась, скашивает на меня взгляд.

– Я не доучился, – поясняет. – Ушёл на середине третьего курса.

– А почему?

– Были причины.

Это его «были причины» звучит как-то слишком таинственно. Мне хочется, чтобы он был откровенен со мной, а не бросался полуправдой или недоговорками. Но как я могу требовать откровенности, когда сама аккуратно обхожу тему семьи и не затрагиваю тонких вопросов, чтобы не дай бог не нарваться на встречные.

Начинаю болтать про лекции, чтобы сгладить ситуацию, а сама поглядываю в окно, пытаюсь понять, куда едем. До встречи мы не оговаривали маршрут. Знаю, что так не делается, что правильные девушки не соглашаются на спонтан-

ные свидания, но это же Лёша... Хочу и нельзя в моей голове отплясывают хороводы, когда он рядом.

— Куда мы едем? Далеко?

— Не очень, уже вот-вот почти, — расплывчато отвечает он. — Кстати, забыл уточнить: плавать умеешь?

— Умею. А что? У нас намечается заплыв?

— Типа того.

— Так осень на дворе.

— Так мы и не будем морозить попы на свежем воздухе.

Вздрагиваю невольно. Каждый раз, когда Лёша упоминает какую-то более интимную часть тела, у меня лёгкий мандраж.

Вскоре тайна пункта назначения раскрыта: мы приезжаем к крытому аквапарку. Огромное здание возвышается стеной над дорогой. В этом я ни разу не была, но, конечно, не новичок в подобных развлечениях.

— Ты это серьёзно? — оборачиваюсь я к Лёше.

— Вполне.

— Я как-то... не совсем готова.

— Ну, у тебя есть ещё полчаса, чтобы морально подготовиться, — качает головой, поглядывая на наручные часы. — Захотелось внести какого-то разнообразия в наши встречи.

— Правда? — в моём голосе снова недоверие, пока мы выходим из машины.

Лёша наклоняется и целует меня, языком обводя раскрывшиеся губы, но, не углубляя поцелуй.

– Нет, – выдыхает, отрываясь ото рта, – просто не терпится увидеть тебя в купальнике.

– В купальнике? Кстати о купальниках... у меня его с собой нет, вот так сюрприз...

На лице моём, наверняка, растерянность. Лёша смеётся и наклоняется поцеловать меня в кончик носа.

Я аж вздрагиваю.

Такой милый жест... совсем неожиданный от этого парня. Это ставит меня в ещё больший тупик.

– Там при входе есть магазин, выберешь себя и купальник, и шлёпки, ну а полотенца я захватил. Впрочем, бери в лавке всё, что тебе надо.

Лёша хватает меня за руку и тянет к входу, а я иду на ватных ногах, думая, что совсем скоро мне предстоит обнажиться перед ним по максимуму.

Но есть и обратная сторона медали – я не просто полюбуюсь на него, но ещё и смогу потрогать.

Нервные смешки заканчиваются на пороге магазина. Он довольно просторный, и выбор купальников тут весьма неплох. Много ярких и пёстрых. Конечно, все они, что называется, «ноу неймы», но и я не из капризных. Исключая долгие раздумья, беру чёрное бикини с красными вставками и светлые шлёпки. Так расчёска есть в сумочке, а вот шампунь не помешает. Тем более, жёсткая вода превратит мои волосы в мочалку.

– Можно? – смотрю на Лёшу, протягивая руку к прилавку

с косметикой.

– Конечно. Сказал ведь: бери, что требуется.

– Это всё, больше ничего, – выпаливаю и тяну его к кас-се, где он расплачивается, прежде чем я успеваю хоть что-то сказать.

– Как переоденешься, выходи к большому бассейну. Там я тебя поймаю.

– Серьёзно? Мы не потеряемся?

– Не потеряемся. Телефон оставь в шкафчике. Планирую, что мы намокнем по максимуму, – подмигивает Лёша.

А я, кажется, уже намокла, как бы пошло это не звучало, от его намёков.

В раздевалке я долго стою напротив зеркала, разглядывая собственное отражение в купальнике. Кажусь себя какой-то костлявой: грудь могла бы быть побольше, так то у меня неполная двойка, бёдра тоже узковаты, зато живот отличный и ягодичы, вроде, ничего. По крайней мере, сто приседаний за тренировку и нелюбимые, но такие эффективные выпады своё дело делают.

Перебарываю желание замотаться в полотенце и выхожу в зал аквапарка. Сквозь стеклянный купол солнце бросает мягкие предвечерние лучи, под потолком летают крики и визг, и шум воды не совсем приятно давит на уши.

Лёша подкрадывается из-за спины, обвивает талию рукой, притягивая ближе. По коже тут же ползут мурашки.

– Шикарная девушка, хочешь чего-нибудь выпить или бу-

дем осваивать новые высоты? – интересуется, кивая на горки.

– Может, начнём с чего-то лёгкого? – указываю на просторный бассейн с искусственной волной.

– Отличная идея.

На Алексее удлинённые шорты, крепкие мышцы ног привлекают внимание, также как и уродливый шрам на боку.

Мне хочется спросить, откуда он у него, но молчу, считая, что снова нарвусь на отказ объяснять в ещё более грубой форме.

Может быть, когда-нибудь и услышу это историю.

Алексей довольно быстро снимает с меня напряжение. Вернее, оно трансформируется: из скованности в возбуждение, потому что он не стесняется трогать меня за разные места, пока мы осваивает каскад бассейнов и водные горки. Ну и плевать, что выгляжу, как мокрая курица, зато нервный смех проходит. Мне удаётся расслабиться и получить удовольствие. В Лёше тоже что-то невидимым образом меняется, сейчас он мне кажется практически моим ровесником.

– Не знаю, Вер... – произносит задумчиво.

– Чего не знаешь?

– Сколько ещё выдержу, малыш.

Он прижимается ко мне бёдрами, и я ойкаю, понимая, о чём он.

Горячие пальцы идут вниз по позвоночнику и скрываются под водой, касаясь тонкого края бикини.

– Ты меня с ума сводишь, – шепчет на ухо. – И чем меньше на тебе одежды, тем безумнее я становлюсь.

Упираюсь ладонями Лёше в грудь, ловлю тихую усмешку.

– Что за веселье? Надеюсь, это ты над собой? – не понимаю его настроения.

– Конечно, над собой.

– Если знал, что будешь волноваться, зачем меня сюда привёл.

Горячие губы снова у моего уха. На этот раз мочке достаётся мягкий укус.

– Говорю же: хотел увидеть тебя с минимумом одежды. Лучшего повода не нашёл.

Лёша отстраняется и смотрит на меня с прищуром, а я открываю рот, чтобы что-то сказать, но никакого задорного ответа на ум не приходит.

Будь я поопытнее, могла бы намекнуть, что вести меня куда-то вовсе не обязательно, достаточно пригласить к себе, но я реально боюсь и не чувствую себя готовой за такой короткий срок идти дальше. Хотя в голове долбит мысль, что взрослый парень не будет ждать вечность.

– Расслабься, – вздыхает Лёша. – Ты чего так напряглась? – Его указательный палец утыкается мне между бровей. – И перестань хмуриться.

– А я нет... да я нет.

– Тс-с-с, – рука под водой сжимает мою ягодицу, прерывая поток невнятных оправданий. – Давай по ленивой реке?

– Давай, – подхватываю с радостью.

И облегчением. Потому что если намёки начались, то это значит – они не прекратятся, а значит, мне следует его предупредить, что у меня совсем нет опыта.

Это отвернёт его? Или раззадорит?

Не знаю. Реакция может быть любой. Это-то меня и беспокоит.

Глава 8

– Лёшенька, сынок, может не надо? – в глазах матери слёзы, а на лице неуверенность.

– Мам, надо.

– Но как же так... Такой долгий срок.

– Это для твоей же пользы. Здесь тебе помогут, решат проблему.

Мы стоим у ворот загородной клиники, которую мне посоветовали. День пребывания здесь стоит немалых денег, но прошлая неделя выморозила меня до невозможности. Мать ушла в отрыв с очередными случайными «друзьями», и я понял, что всё. Терпению есть предел. Я ведь думал она всё, завязала. Не могу я жить, ожидая её очередного срыва. Лечиться она категорически отказывается, вот и сейчас отрицает.

– У меня нет проблем, сынок.

– А когда три дня под капельницами лежала, их тоже не было? – спрашиваю в лоб.

Отворачивается, прячет взгляд. Ей стыдно, но всё равно мотает головой и, словно мантру, повторяет:

– У меня нет проблем... нет проблем, сынок. Ни к чему на меня тратить.

Вижу, как украдкой утирает слёзы. Обнимаю её за плечи, говорю, что всё в порядке и деньги не вопрос.

– Мне страшно, – выдаёт под конец.

– Чего боишься?

Мне хочется, чтобы здесь, в закрытом «пансионе» ей помогли. И осознать собственную зависимость, и найти силы в борьбе с пагубной привычкой.

– У меня ощущение, что если войду в эти двери, мы больше не увидимся.

– Глупости. Увидимся, – сглатываю с трудом, – через полгода, мам, увидимся.

Контакты с внешним миром тут запрещены, это одно из основных условий. Даже звонки. О её состоянии я могу узнавать через врачей, а мои слова ей будут передавать. Там уж специалисты знают, как правильно поддержать, не вызывая новых срывов.

Плечи матери дрожат, а я наклоняюсь и целую её в макушку. Во мне нет отвращения, наоборот, я люблю мать. Возможно потому, что помню её другой. Мы же не всегда так жили. Проблемы начались внезапно, я до сих пор не понимаю, какой бес в них с отцом вселился, что они запили. Нормальная же семья была. Просто в один день всё сломалось, как по щелчку пальцев. Неприбранный дом, пустой холодильник, грязная одежда, незнакомые пугающие визитёры, звон пустого стекла в мусорных пакетах и под ногами.

Я подрос и сбежал от этого, потому что не видел иного выхода, думал, можно забыть о «болезни» родных простым отрицанием очевидного, но нет. За всё надо платить. И за

необдуманные импульсивные поступки.

– Пойдём, – тяну её к воротам.

– А ты побудешь со мной ещё немного? Побудь, а? Лёшенька, пожалуйста. Не уезжай сразу.

– Конечно, сколько надо, мам, побуду.

Уезжаю я только через три часа. Часть времени ушла на оформление документов и проговаривание условий, остальное я провёл с матерью. Успокаивал и настраивал на лучшее, как мог.

С каждым километром исчезающего под колёсами авто асфальта ком в груди уменьшается, а туман в голове рассеивается. Я ставлю блок на мысли о матери. Я поступил правильно, так будет лучше всем. И ей самой в первую очередь.

Теперь Вера...

Горько усмехаюсь. Малышка меня прильёт. Я пропал больше чем на неделю, по телефону отвечал сухо, либо вообще трубку не брал. Во-первых, не хотел грузить её своими проблемами, во-вторых, и времени на разговоры не было, да и настроения, что уж тут говорить. Я не из тех, кто сливает личный негатив на других, а уж на девушек, тем более. Переписки, откровенно говоря, не люблю. Лучше голосом, но времени «на голос» просто не было.

В городе беру курс сразу на дом её подруги, зная, что Вера пока живёт у неё. Вика быстро оклемалась и смотрит на нас с каким-то ехидством. Какие они всё-таки разные. В Вере есть наивность и непосредственность, а ещё серьёз-

ность и женская основательность, которая, наверняка, с годами лишь окрепнет. А Вика выглядит прожжённой опытной стервой, хотя с Верой они одногодки.

Моя девочка отвечает на первом же гудке. Видимо, сидела с телефоном в руке, поэтому такая супер-реакция.

– Прости, что пропал, были обстоятельства, – знаю, что она ждёт извинений, поэтому с них и начинаю.

Мы не виделись уже больше недели, я и сам счёт дням потерял.

– У тебя проблемы? – вместо выноса мозга интересуется она.

И мои брови поднимаются вверх непроизвольно. Я уж думал, сейчас начнётся пропылесосивание нервов.

– Ничего такого, чего бы не мог решить.

Пауза.

– Сейчас всё в порядке?

– Надеюсь. Вот тебя увижу и совсем отлично станет. Спустишься? Я буду минут через двадцать.

– Хорошо, – аккуратно отвечает Вера.

И когда в обозначенное время притормаживаю у подъезда, моя девочка садится на пассажирское сиденье и настороженно смотрит на меня.

– Привет, – выдаёт аккуратно.

– У-у-у... – усмехаюсь, – всего лишь привет?

Она делает большие круглые глаза: не понимая, чего я жду.

А я жду простых объятий и поцелуев, начиная понимать, как мне её не хватало. Не просто её... а её всей. Аромата шёлковых волос, тепла тела, ласковых прикосновений, нежного голоса, мягкой силы, которую она и сама не осознаёт.

Сгребая Веру в охапку и перетягиваю к себе на колени, предварительно отодвинув кресло подальше. Она устраивается бочком, и мы целуемся, будто умалишённые.

Хотя почему «будто»? Именно так себя и чувствую. Не думал, что в двадцать семь крышу сорвёт от какой-то девчонки. Вчерашняя школьница, считай, но во многом повзрослее моих ровесниц. И помудрее.

– Лёш... Лёш, – шепчет предупредительно.

А я уже выцеловываю дорожку влажных следов на её шее, пока ладони сжимают грудь. Очень сложно с ней сдержаться. Хочется схватить и подмять под себя. И сделать то, чего требует тело.

Вера каждый раз, как мы заходим дальше, сжимается, но не останавливает. Так странно иногда смотрит на меня, будто хочет тайну рассказать. Но я и сам всё понимаю. То, что опыт у неё нулевой. И от мысли, что буду первым, у меня ещё больше сносит крышу.

А я обязательно им буду. И что-то подсказывает мне, что ждать осталось недолго.

Мне хочется, чтобы она запомнила свой первый раз, как нечто прекрасное. Даже не понимаю, откуда во мне эта идея. Романтические прогулки под луной и усталое лепестками

роз ложе, как в той пошлой песне, – это точно не ко мне. Но для Веры я бы, наверное, что-то подобное организовал. Хотя с другой стороны, надо ли ей самой это?

Терзаю её губы, мягко покусываю и глубоко целую, ладони живут своей жизнью уже под одеждой. Вера дёргается и дрожит, потому что страстно хочет того же, что и я. Только боится.

– Всё-всё, малыш. Успокаиваемся.

Убираю руки из опасной зоны.

– Да я спокойна, – отвечает нервным голосом, опровергающим её же слова.

– А это я себя уговариваю.

Вера вздыхает и прижимается к моей груди, укладывает щеку на плечо. Глажу её по волосам, чувствуя необычайный комфорт нашей тишины.

Страсть остывает, но эмоции, которыми мы обменялись, они будто заряжают живительной энергией. Эти дни я был опустошён, а сейчас этот маленький энерджайзер снова вдохнул в меня силы.

И желание жить.

И делать что-то...

– Лёш, что случилось? – спрашивает, и её выдох достигает моей шеи, приятно щекоча кожу.

– С родными проблемы.

Отстраняюсь и смотрю, как Вера покусывает губу в нерешительности.

– Могу я чем-то помочь?

«Чем, малыш, ты можешь тут помочь?» Мне даже смешно.

– Думаю, что ничем. К сожалению.

Снова терзает губу, но кивает.

– Больше не пропадай, пожалуйста.

В этой короткой фразе скрыто многое. И то, что она не решается мне высказать, хотя, наверное, очень хочет. Я не обещаю ничего, лишь коротко отвечаю, что постараюсь.

Когда звонит адвокат, я ничего хорошего не жду. И в целом правильно делаю. Долго и муторно выслушиваю подробности, что исход судебного дела, скорее всего, сложится не в мою пользу.

Корпус телефона трещит, когда сильнее сжимаю его в руке.

– Мы можем как-то повлиять на судью?

– Боюсь, там уже всё схвачено. И не нами.

– Перекупить?

– Сомнительно.

– Понятно. А какие варианты у нас есть?

– Подать апелляцию после.

– А более быстрые?

– Эм... поджечь здание суда?

Усмехаюсь на тёмный юмор. Если бы это решило все проблемы, можно было бы и организовать.

– Не такие радикальные.

– Их нет. Если мы хотим остаться в рамках закона, остаётся привычная схема.

Мне совсем не нравится, что родительская квартира в центре Москвы уплывает из рук. Тихий двор, маленькая узкая улочка, пятый этаж старого дома, всего три комнаты, но огромные, под сто пятьдесят метров. Лакомый кусочек для мошенников.

– А они оставались в рамках закона, когда подсовывали матери договор по цене ниже рыночной?

– Судья утверждает, что всё легитимно.

– А мать утверждает, что ничего не подписывала.

– Однако на бумагах её подпись.

Не поспоришь. Потом она может утверждать, что угодно, но ведь под градусом в неадеквате могла чиркнуть своё согласие на чём угодно. Даже на пустом листе бумаги.

– Есть вариант признать её не дееспособной и обнулить сделку?

– Можем попробовать пойти этим путём, но ответчики будут настаивать на собственной независимой экспертизе и опровергнут результаты нашей. Это как пить дать, так и будет.

Понимаю, куда он клонит. Сажусь в кресло и провожу пятёрней по волосам.

– Ещё варианты есть?

– Может, попробовать с ними поговорить по-хорошему?

– По-хорошему, это как?

– Пойти на мировую, дать отступных.

Этот исход вызывает во мне отторжение. Давать мошенникам ещё больше козырей? Выкупать у них своё же? Да проще пристрелить...

Скрипя зубами, я всё-таки соглашаюсь обдумать и этот путь.

– Поговорите с ними?

– Попробую, – обещает адвокат, и через пару дней выходит на связь.

Ему удаётся условиться о встрече, на которую еду без особых ожиданий и энтузиазма. В целом, настроение оправдывает реальность. Со стороны аферистов приходит девушка. Такая приторно сладкая, что аж зубы сводит, и такая конкретная, что мне реально жаль, что на её месте не мужик какой-нибудь. Ему я мог бы вполне себе обосновано дать в морду, а с этой что возмёшь? Дешевое театральное представление и озвученная сумма выкупа могут вызвать разве что лёгочный спазм, но я киваю, говоря, что подумаю. Хотя, конечно, думать тут не над чем.

Эта мадам, уходя, чиркает пальчиками по моему плечу и смотрит так призывно, что меня передёргивает. Ну бабы пошли...

Я долго думаю, просчитываю возможные исходы, а чуть позже набираю Ярыгина. Размышлял над его предложением несколько дней. Если у старого знакомого есть связи, пойду

по ним. Потому что крайний случай – это попросить Влада выделить ребят для мордобоя, и просто почесать кулаки в качестве моральной компенсации перед дальнейшей битвой.

Одно тяготит – не люблю быть обязанным. А здесь конкретно влезаю в обязательства. И учитывая масштаб проблем – в особо крупные размеры

Через несколько дней звонит Сан Саныч. С работой зато всё устаканилось. Единственное, надо ехать в командировку в другой регион.

– Так мы же говорили, что без боёв в полях обойдёмся.

– Казах свалился со сломанными рёбрами, не кем заменить. Там ничего сложного. Юр лицо закрываем. Надо контролировать, чтобы никто из бывших работников лишнего не прихватил.

Может, это проверка такая? Не знаю, но выхода нет, так что соглашаюсь.

Придётся только встречу с Верой перенести.

Вера...

Маленькая моя. Глоток свежего воздуха в мире, полном проблем. Просила же – не пропадать. Выполняю обещание и звоню ей. Вера сбрасывает, потом пишет, что на лекции и перезвонит позже.

Решение приходит спонтанно, я выбегаю под осенний моросящий дождь, прыгаю в машину и еду к университету.

Где-то на полпути Вера мне набирает.

– Устала? – слышу по голосу, что да.

– Ужас, не устала, а утомилась... Лекция просто нудятина редкостная.

– Так поспала бы.

– Ага, поспишь тут. Я на втором ряду сижу, – хихикает, и тяжёлая рука, сжимающая сердце, ослабляет хватку.

Прекрасно, мой антидот от плохого настроения всегда срабатывает безотказно.

– У тебя ещё много занятий?

– Одна пара.

– Тогда встретимся после? Я подожду в «Красном бархате», уже еду в твою сторону.

Вере очень нравится в этом кафе. По мне так яркая девичья муть и кофе на троечку, но Вере почему-то там, как мёдом намазано. Я бы мог ей показать какое-то более интересное место, где мы могли бы задержаться подольше... наедине...

Когда спустя час она появляется, я удивлён. Вера, не скидывая куртку, присаживается рядом и жмётся к моему плечу. Обнимаю её и целую крепко, отпускаю лишь когда воздух у двоих заканчивается.

– Сбежала пораньше? – трогаю аккуратный идеально ровный нос губами.

Вера тут же его морщит. Щекотно, видимо.

– Да, ушла с половины. Совсем информация в голову не лезет.

– Не злоупотребляй. Образование – это важно.

Она замирает и на секунду прижимается ко мне сильнее.

– В моём случае, даже не знаю: а важно ли оно?..

– А чем особенен твой случай?

Она задумчиво смотрит на меня, потом моргает и качает головой, слегка усмехаясь.

– Шучу.

Не очень-то похоже. И я не понимаю, что там у неё за мысли в голове и настроение.

– Мне нужно будет уехать на несколько дней, Вер, – сообщаю аккуратно.

– Когда уехать? Надолго?

– Завтра. Нет, дня на три.

– Долго... – тянет с сожалением, наверное, тоже думает, что придётся планы перекраивать.

– Не расстраивайся насчёт четверга, – подмигиваю ободряюще, – у меня есть идеи получше на выходные.

– На в-выходные?

– Да. Так что собери сумку и будь готова стартовать в субботу после полудня.

– К-куда?

– Вер... – изображаю возмущение, – если я тебе всё расскажу, сюрприза не будет.

В её глазах испуг. Это меня слегка веселит. Ну чего она боится? Кого? Меня? Я ведь ей плохого ничего не сделаю. Только хорошо... и то только если она сама захочет.

А мне, чего уж скрывать, очень хочется, чтобы Вера этого

захотела.

Глава 9

В пятницу во второй половине дня мне велено явиться на семейный обед. До родительского дома трансфер обеспечивает старший брат.

– Кто на сей раз? – спрашиваю, садясь в машину и пристёгивая ремень безопасности под пристальным взглядом Севы.

Тот кивает одобрительно и газует так резво, что меня вжимает в сиденье.

– Полегче, пижон.

– Прости, за неделю ещё не привык, – посмеивается Всеволод.

У него новая чёрная крутая тачка. Какой-то спорткар. Игрушка, словом.

– Не привык? – ворчу, любя. – Скажи лучше, что тебе это нравится.

– Нравится, – кивает он. – А кому бы не понравилось это стадо лошадок под капотом?

– Я ничего в этом не понимаю, можешь не втирать, – поднимаю руки, прося обойтись без подробностей.

У меня два брата, правда, с приличной разницей в возрасте, которая, конечно, с годами сотрётся. Но даже сейчас, если они начинают трепаться на мужские темы: спорт и тачки, у меня уши в трубочку. Никогда не любила ни первое, ни второе.

Мы довольно быстро выбираемся из Москвы. Сева гонит какими-то тайными тропами, минуя самые оживлённые магистралы, где в этот час уже пробки во все стороны. По пути узнаю, что у нас ожидаются какие-то очередные отцовские партнёры. Скукота, словом.

– Ну ты там зачем мне понятно. А я каким боком сдалась?

– Вариант, что родители соскучились, не рассматривала? Ты две недели дома не появлялась.

Я действительно выпала из семейной жизни. Иногда звонила маме, но приезжать отказывалась, ссылаясь на занятость по учёбе. На самом деле, конечно, я была вся в делах, но не в учебных, а в сердечных. Только ни мать, ни отца пока посвящать в них не собиралась.

– А тебе уже обо всём доложили?

– Я то, в отличие от тебя, отца вижу несколько раз в неделю. Бери пример.

– Ты работаешь в семейной фирме, а я, навряд ли, когда-то войду в наш бизнес. Что мне там делать? Офис-менеджером прозябать? Всё равно будут сплетничать, мол, босс пристроил дочку по блату. Не хочу, – обрубая серьёзно.

Отец предлагал мне выйти на короткий рабочий день на несколько часов в неделю, если будет желание, без ущерба учёбе, естественно, но я уже для себя твёрдо решила: когда захочу устроиться на работу, пойду куда угодно, только не к папе. После окончания университета – пожалуйста. Если будут нужны мои знания и помощь, с радостью, но не сейчас.

Это больше напоминало блат и баловство, чем что-то самостоятельное и серьёзное.

Позже, за ужином мне всё становится понятно. Я стараюсь улыбаться партнёру отца и не метать слишком уж гневные взгляды на родителей. Сева сидит с покер-фейсом, хотя ему тоже всё очевидно.

– Илья, можешь подробнее рассказать про учёбу в Швейцарии, что понравилось, что нет? Может, и мы подумаем насчёт семестра за границей, да, Верунчик? – смотрит на меня Ульяна Дмитриевна.

А я перевожу взгляд с матери на этого Илью, сына партнёра, которого мне без всяких сомнений, сейчас пытаются сосватать.

– Я не планировала выезжать куда-либо учиться. В Москве полно престижных университетов, покруче всяких там Швейцарских, – заявляю с вызовом.

У Ильи тёмные волосы и серые глаза, красивый волевой подбородок, да и в целом лицо, которое можно назвать породистым. Лёгкий загар намекает на недавний отпуск где-то на море.

– Конечно, – мягко улыбается Илья, – в нашей столице самые лучшие учебные заведения, а Швейцария – это просто опыт. Проживания за границей, соприкосновения с другой культурой, самостоятельной жизни, в конце концов.

Он, в общем-то милый, старше меня лет на пять, вежливый и обходительный, но раздражает меня своим присут-

ствием, потому что я ненавижу, когда мне что-то навязывают.

Однако под серьёзным взглядом матери смягчаюсь, понимая, что начинаю переходить грань. Если не начну разговаривать вежливо, меня ждёт серьёзная беседа а-ля «где твои манеры». Глотки свободы, которые получаю, мне слишком дороги. Так что перспектива насильственного возвращения в родительский дом под пристальный надзор совсем нежелательна.

После основных блюд, мать отправляет меня на кухню за сладким для чая. Я с удивлением смотрю на неё, но подчиняюсь. Ладно... если ей надо, чтобы я поухаживала за гостями, сделаю. Спасибо, что ничего печь и шить не заставляют, чтобы продемонстрировать, какая умелица и рукодельница выросла в семействе Сергеевых.

На кухне я делаю несколько вдохов-выдохов, чтобы успокоиться и сбросить напряжение. А потом ставлю поднос на стол и заглядываю в холодильник, чтобы понять, что у нас там на десерт сегодня.

На звук открывшейся двери выпрямляюсь и оборачиваюсь.

Приехали...

– Ульяна Дмитриевна послала тебе на помощь, – улыбается Илья.

– Да я, вроде, справляюсь.

Эту тонкую работу матери за версту вижу. У нас ведь есть

экономка и несколько горничных, и если основную часть ужина накрывали они, вовсе необязательно было привлекать меня сейчас к этому грёбанному самодельному «кейтерингу». И подстраивать разговоры наедине с сыночком отцовского партнёра.

– Ты из этих... феминисток, что ли? – короткий смешок. – Всё сама?

– Какая связь?

– Вера, расслабься, – вдруг меняет он тему. – Мне точно также неудобно, как и тебе. Но не будем никого расстраивать своей догадливостью. Пусть считают, что мы ничего не поняли.

От его откровенности напряжение меня чуть отпускает.

– Да всё нормально.

– Это старая школа. В наше время мы могли бы познакомиться где угодно, даже в интернете. А в их время, – кивает в сторону двери, – вариант «свести с девочкой или мальчиком из приличной семьи» было самым действенным.

Ставлю на поднос блюдо с пирожными и, вопросительно приподнимая бровь, смотрю на Илью.

– Ну и часто тебя сводят с девочками из приличных семей?

– Слава Богу... нет, – усмехается и отрицательно мотает головой, – иначе я бы сбежал.

– Куда? Обратно в Швейцарию? – подкалываю беззлобно.

– Да хотя бы и туда.

В конце концов, я оттаиваю и принимаю его помощь. И возвращаюсь в гостиную совершенно в другом настроении. Ладно, ещё пара часов и можно будет выдохнуть. И сбежать домой.

А там ночь и суббота... и выходные с Лёшей.

Эта мысль и успокаивает, и нервирует одновременно. И не понятно, каких чувств во мне больше.

Вика время от времени отрывается от экрана телефона, посматривает, как я пакую сумку с вещами, которые планирую взять с собой на выходные. Сегодня вечер пятницы, ужин у родителей утомил до невозможности. Намёки матери оставили горькое послевкусие. Да и в целом, пришлось пободаться, чтобы вернуться в город. Мои очень хотели, чтобы я осталась ночевать у них. Но я уже представила, что утром вырваться в Москву мне будет ещё сложнее. А пропускать выходные мне ни в коем случае не хотелось.

Я уже решила: будь, что будет. Сориентируюсь на месте. Да и не станет Лёша пользоваться ситуацией. Если скажу нет, он воспримет нормально. В этом я почему-то уверена. А вот почти двое суток вместе – эта перспектива будоражила сильнее любого вина.

Запихиваю крем для лица в косметичку, размышляя, не слишком ли много всего для простых выходных вдвоём. И одежды, и уходовых средств. Как будто на неделю на море собираюсь!

– Ты же понимаешь, чем это всё закончится? – подаёт голос Вика.

Оборачиваюсь, ловлю её хитрый взгляд. Она сейчас похожа на лису, задумавшую проникнуть в курятник. В роли которого, видимо, выступает моя интимная жизнь. Как-то не привыкла ни с кем её обсуждать. И навряд ли что-то изменится.

– Понимаешь? – таинственным многозначительным шёпотом повторяет.

Понимаю. Наверно? Только не хочу сейчас перед другой душу выворачивать или обсуждать какие-то личные страхи. Она бы, как более опытная, скорее всего, много чего мне подсказала, но... решила уже, что обойдусь.

Так что просто жму плечами. Неопределённо так.

– Вер, ты чего ждёшь от поездки-то? – еще более весёлым тоном спрашивает Вика.

– Ну... жду, что хорошо проведу время, – отвечаю без конкретики.

Вика посмеивается и откладывает телефон в сторону.

– Да это без сомнений, что проведёшь хорошо. Лёша горячий и настойчивый, так?

Бросаю на неё косой взгляд, застёгивая сумочку с косметикой.

– Так? – давит она.

– Так.

– Только боги... прошу тебя, не влюбляйся в него.

Наклоняю голову к плечу, очень хочется упереть руки в бока.

– Это ещё почему?

– А не очевидно?

Повожу плечами, мол, нет. Интересные заявления.

– Да он же нищеврод, Вер.

– Неправда, – тут же бросаюсь на защиту, – у него, насколько знаю, нет проблем с деньгами. Он работает, цветы вон мне дарит, на свидания водит...

Да и помню, как от денег за больницу отказался. У меня ни разу не возникло подозрений, что у Лёши какие-то сложности с финансами.

– Ой, да ладно... цветы дарит... Веники он тебе дарит. Цветы, это когда сто роз в охапке, так что и не поднять... – мечтательно заявляет Вика.

– Зачем мне цветы, которые не смогу поднять?

– Не делай вид, что не поняла, о чём я.

Вика вытягивается на диване и вздыхает. В её голове, видимо, живут какие-то картинки из социальных сетей и сцены из романтических мелодрам.

– По сравнению с твоей семьей, подруга, он ни-ще-брод, – повторяет Вика.

Меня это злит так, что топать ногами хочется. Я уже и не скрываю гнев в голосе.

– Спешу напомнить, подруга, – передразниваю интонацию, – этот, как ты выразилась, нищеврод, тебе жизнь спас,

ещё и лечение оплатил. Могла бы быть и повежливее.

— Господи... оплатил он... копейки. Да и не при смерти я была, — однако следом смягчается. — В любом случае, спасибо ему. Ты не подумай, что я скотина неблагодарная.

Именно это я подумала. Иногда Вика меня поражает.

— Что касается моей семьи, — продолжаю, — так у меня у самой есть деньги. Зачем мне его?

— Вот именно, — наставляет на меня палец. — У тебя есть деньги. И когда твой Алексей узнает, сколько именно, он их захочет.

— Не захочет.

— Захочет... Подумает, что отхватил богатую наследницу. Так что, как только всё вскрыется, жди тут же предложение руки и сердца. По сравнению с твоим отцом, он никто и звать никак.

Фыркаю и отворачиваюсь. Надоело слушать эти бредни. Вика знает, что я не говорила всей правды о своей семье. В который раз у меня возникает логичный вопрос: зачем я это скрываю? Почему разрешаю ему думать, что мои родные живут где-то там, в Подмоскovie, и в них нет ничего выдающегося?

Да, собственно, по моему мнению, в них реально нет ничего выдающегося. Подумаешь, у отца крупный бизнес... Он же не единственный предприниматель на всю столицу!

Только чем дольше я тяну, тем сложнее решиться на откровенность. А почему, сама не понимаю!

– Я пока замуж не планирую, – бубню и ухожу к себе в комнату, чтобы не услышать какое-нибудь малоприятное продолжение от Вики.

Побыстрее бы сдалась моя квартира. С каждым днём у подруги жить всё сложнее. Мне не нравятся разговоры, которые она заводит.

И те зёрнышки сомнения, которые сеет во мне.

Глава 10

Когда звонит Лёша и сообщает, что ждёт внизу, хватаю сумку, бросаю Вике короткое «пока» и пулей вылетаю из квартиры. Сердце ухает, будто движок паровоза, дышать сложно от волнения. И дело даже не в том, что я соскучилась безмерно... Это предвкушение. Чёртово предвкушение кружит голову.

Алексей ловит меня у машины. Сжимает в кольцо рук и долго целует. Его язык хозяйничает в моём рту с непревзойдённой наглостью. Он знает, как сделать так, чтобы мои колени подкосились. И я бы реально осела на асфальт, если бы Лёша меня не держал.

– Привет, моя Вера, – трётся он щекой о мою щёку.

Лёгкая щетина царапает кожу, и я, отстраняясь, провожу по ней ладонью. Выдаю шутку, которую мы придумали какое-то время назад.

– Мой «бритиш».

– Сегодня не «бритиш», – подмигивает Лёша.

Потом трёт подбородок двумя пальцами.

– Прости, не успел побриться, летел к тебе. Сейчас приедем, приведу себя в порядок.

– Да всё нормально, мне так нравится. Ты же знаешь. Так что ты в полном порядке.

Жду пока закинет сумку в багажник, глубоко вздыхаю,

чтобы унять дрожь. Даже чуть помогает. Психологи советуют «прохлопать» себя перед важным событием: встречей, экзаменом или собеседованием.

Но ведь у нас не экзамен. Да и не приём на работу тоже. Плюс это выглядело бы странно, если б я тут начала стучать по предплечьям ладонями.

Когда мы оказываемся в салоне автомобиля, Лёша кивает и говорит:

– Что это у тебя на щеке?

– Что там? – переспрашиваю и пытаюсь стереть невидимое пятно.

Потом тянусь наверх, чтобы откинуть козырёк и посмотреть в зеркало, и вздрагиваю от удивления, когда на колени мне сыплются ярко-алые лепестки роз. Которые Лёша туда положил заранее.

Смотрю на него со смесью радости и потрясения и счастливо улыбаюсь. У него такое бывает: милые сюрпризы. Это вводит меня в шок, потому что, вспоминая, при каких обстоятельствах мы познакомились, в жизни бы не подумала, что тот парень из бара будет способен на какие-то романтические мелочи.

Протягиваю ему ладонь, которую он тут же сжимает в своей и целует.

А в зеркало вижу, что на щеке у меня, конечно, ничего нет. Зато на коленях так и лежат свежие ароматные лепестки.

Мы болтаем всю дорогу. О разном. И о его работе тоже.

Я слушаю вполуха, потому что всё равно думаю о своём и о том, что дальше.

– Как командировка?

– Всё хорошо. Все живы, – усмехается. – Я думал, хуже будет.

– Чем ты таким занимаешься?

– Системной безопасностью.

– А это опасно? – перефразируя.

Кивает.

– Обеспечение безопасности всегда сопряжено с рисками.

Я тут же думаю про шрам на его боку. Может, на этих выходных удастся узнать, откуда он у него? Мне хочется знать о Лёше всё, но он иногда скуп на информацию. Впрочем, как и я сама. Иногда мне кажется, мы оба чего-то недоговариваем.

Вырываемся из города и движемся с хорошей скоростью по шоссе. В принципе, дорога не занимает особо много времени. Лёша говорит, что уже поздно и не было смысла ехать куда-то слишком далеко.

Съезжаем с главной дороги и мчим по тёмной лесной, но закатанной в асфальт. Упираемся в ворота СПА-отеля «Про-Лес».

И на меня нападает немота и мандраж.

Вечерний воздух свеж и прохладен, но дрожу я вовсе не от него.

– Подождёшь в машине или пойдёшь со мной на ресепшн?

– Пойду с тобой.

Лёша берёт меня за руку, и мы заходим в огромное здание с высоким деревянным потолком и просторным холлом. Девушка за стойкой улыбчива и приветлива, пока регистрирует нас и выдаёт ключи. Мы тут одни. То ли народа в отеле мало, хотя сейчас выходные, то ли все уже заехали.

– Хорошего отдыха, – желает она. – Надеюсь, вам у нас понравится.

– Мне уже всё очень нравится, – с улыбкой кивает Лёша. – Пошли? – это уже мне.

Делаю вдох и тоже киваю.

– Ты чего, Вера? – мы снова садимся в машину и едем до арендованного коттеджа. – У нас ещё ужин впереди, а завтра какое-то СПА.

– Какое-то СПА? – хихикаю, но это тоже всё нервное.

– Я в этом не особо разбираюсь, но меня уверили, что моя девушка будет в восторге.

От его «моя девушка» реально таю.

Да, вот так... я его, а он мой... И если захочу, сегодня... или завтра... это станет буквальностью. Остаётся отпустить страхи: ненужные и несвоевременные в данном случае.

Наш домик довольно большой и внутри уютный. Видимо, дизайнер пытался придать помещению какой-то индивидуальности, потому что, зайдя внутрь, я ощущаю «теплоту». Будто к себе в квартиру попала. Мягкая мебель на первом этаже и милые безделушки на полках и стенах выглядят

очень по-домашнему. Необычно.

Заметив, что я хочу расстегнуть дорожную сумку, Лёша предлагает распаковаться позже, сейчас же сходить на ужин.

Мне немного неловко с ним наедине в новом месте, поэтому с радостью соглашаюсь.

Пару раз, пока Вики не было дома, он оставался у меня. Мы лежали на диване в обнимку, смотрели фильмы, иногда его губы и руки позволяли чуть больше обычного, но в целом он не претендовал на что-то глобальное.

Может, и сейчас не станет?

«Хватит... – осекаю себя. – Ну, серьёзно, Вер, хватит. Пусть всё идёт своим чередом».

Уже скоро мы заходим в ресторан. Здание сложено из массивного бруса и имеет такой же высоченный потолок, как и холл на ресепшне. Ничего не могу поделать, запрокидываю голову и разглядываю толстые брёвна, думая, как их туда за-таскивали, ну не вручную же. Вот уж точное название у СПА. «Про-Лес». Никакого бетона и кирпича – исключительно эко материалы. Может, это бред, но здесь даже дышится иначе.

– Мощно, да?

Лёша наклоняется и прижимается губами к моему уху. Чтобы мягко поцеловать. И поцелуй этот, как обещание чего-то большего. Дальше. Чуть позже. Его движения и знаки интимные. И становятся всё более намекающими на продолжение.

Нет, ну может это я себе придумываю, а?

– Мощно. Мне очень здесь нравится, – искренне отвечаю.

– Меня тоже по фото вдохновило. Так-то я тут впервые, – поясняет.

А мне приятно, что он больше никого никогда сюда не возил.

Про прошлое Лёши, как и про его отношения я ничего не знаю. Мои подружки по универу с лёгкостью выуживают у парней информацию о бывших, а те с радостью рассказывают. Хвастуны, блин. А я вот... вообще боюсь лишнего спросить. Опять же... опасаясь встречных вопросов.

Официант ведёт к столику, и пока я изучаю меню, Лёша изучает меня. Я вижу это, вскидывая взгляд поверх буклета с фотографиями блюд.

– Я не часто в таких местах бываю, ты, наверное, тоже?

– В таком точно не была.

– Можно будет почаще выезжать. Можно будет куда-то и подальше мотнуться. Всегда мечтал путешествовать. Время от времени, конечно.

– А почему не путешествовал?

Тут же в голове всплывают противные слова Вики, но Лёша жмёт плечами и отвечает:

– Компании не было. Составишь?

Краснею вместо ответа и тихонько киваю. Сама думаю, как буду отпрашиваться у родителей? Придётся вскрываться.

Нет, вскрываться по любому придётся. Рано или поздно.

И мне почему-то страшно.

– Если серьёзно, Вер, времени не было. Всегда в работе. Но я много ездил по России. И опять же... – улыбается. – По работе.

– Надо больше отдыхать.

– Надо, – соглашается. – Теперь, надеюсь, посвободнее буду. Работа простая, сиди за рулём. Хотя сверхурочные и внезапные вызовы никто не отменял, это я понимаю.

Он уже говорил, что устроился водителем к какой-то шишке. Я не особо вслушивалась. То ли к бизнесмену, то ли к кому-то из руководства города. Ирония судьбы, моя семья вполне может знать его работодателя. Но по факту мне всё равно, чем он зарабатывает себе на жизнь. И если судить по его командировке, вождением там дело не ограничивается.

– Хочешь чего-нибудь? – Лёша поднимает вверх барную карту.

Он знает, что я не пью, спрашивает на всякий случай. Думаю, может, сегодня и стоило бы для релакса чего-нибудь принять, но отрицательно мотаю головой.

– Нет, всё-таки нет.

– Так и думал, но решил уточнить. Я ещё у Вадима в баре заметил, что ты не особый любитель.

– Твой Вадим профессиональный спаиватель.

– Он хороший парень, это образ такой.

Прищуриваюсь.

– Так в нём уверен? От него веет опасностью.

Лёша усмехается.

– Да нет. Давно его знаю. И в общем-то, понимаешь, мне везёт. Люди, которые меня окружают, надежные. И я могу на них положиться.

Качаю головой.

– Иногда самые близкие предают.

– Говоришь так, будто тебя это коснулось.

Его голос ни весёлый, ни серьёзный, скорее, интересующийся.

– Нет-нет, у меня такого не было. Но в книгах и в фильмах часто предатели – самые родные.

– Жизнь – не кино.

– Но и кино не полная выдумка, если мы, конечно, не о фантастике. В каждой истории есть доля правды.

Лёша пожимает плечами.

– Надеюсь, ни тебя, ни меня это не коснётся. Я бы не хотел жить в сериале. Всё должно быть понятно и предельно ясно.

– И скучно?

– Почему скучно?

Лёша берёт меня за запястье и тянет на себя. Пододвигаюсь и сижу уже на самом краешке стула.

– Ладно, про сериалы... Ну, разве что в эротическом. Тогда согласен.

Его губы прижимаются к моему запястью, прямо там, где бьётся пульс. Без сомнения, Лёша ощущает, как он подскакивает от этой ласки.

– А как же эмоции? – произношу полушёпотом.

– Мне не нужны эмоции и глупые поводы разнообразить жизнь. Адреналина в ней было достаточно.

– А поподробнее?

Лёша вздыхает.

– Как-нибудь в другой раз. Не хочу портить нам выходные грустными рассказами.

– Грустными? Думала, они будут захватывающими, после упоминания адреналина.

– Не без этого.

Он снова улыбается и кивает на меня.

– Поможешь мне с выбором?

– Я? – искренне удивляюсь. – А я... ну... не знаю.

– Давай... накорми меня... по своему вкусу.

Почему-то опять за его словами мне мерещится нечто большее.

Стараюсь отбросить страхи и насладиться вкусным ужином и напитками. Безалкогольными, конечно. Лёша, принимая мою сторону, ничего не заказывает, хотя он может позволить себе выпить чего-нибудь покрепче, у него-то таких проблем с кружащейся и больной головой, явно нет.

После ужина мы выходим из здания ресторана и долго бредём по тропинке к коттеджу. Территория хорошо освещена, на обступающий со всех сторон СПА-отель лес, тёмной стеной загораживает луну, вонзая острые пики деревьев в ночное небо.

– Всё будет хорошо, – улавливая моё напряжение, шепчет Лёша. – Я ничего не сделаю против твоей воли, малыш.

В его руке мои прохладные пальцы согреваются, и внутри тоже разливается тепло.

Так что чуть позже, когда принимаю душ и готовлюсь ко сну, я спокойна. И почти ровно реагирую на то, что сегодня мы будем спать в одной большой кровати.

Лёша обнажён по пояс, на нём длинные спортивные шорты, волосы мокрые и взъерошенные. Пока я занимала ванную на втором этаже, он воспользовался душем на первом. Он лежит, растянувшись на постели, и призывно откидывает краешек одеяла.

– Иди сюда, не мёрзни. Давай что-нибудь посмотрим?

Радостно киваю. Выбор фильмов для гостей большой. Останавливаемся на романтической комедии. Лёша обнимает за талию и притягивает к себе, пока щёлкает пультом, настраивая звук и формат изображения. Спиной чувствую стук его сердца. Моё, кажется, стучит в два раза быстрее.

И я не жду подвоха, когда на экране мелькает название и начальные титры. Я реально приготовилась смотреть кино.

А вот Лёшу больше увлекает моя шея, которую начинают исследовать его горячие губы. Пальцы синхронно с этим в наглуую ныряют под топ пижамы. Ещё пара секунд и я на спине, а Лёша – на мне.

Долгий глубокий поцелуй заставляет забыться. Его руки и тело повсюду. Ноги зажимают мои бёдра, пальцы тянут бре-

тельно вниз, обнажая грудь. Меньше десяти секунд проходит, а я уже полностью без одежды. Моргнуть не успела!

Вот это скорости...

– Лёш, – шепчу между поцелуями.

Шепчу с мольбой. То ли продолжать, то ли остановиться. Потому что сама не определилась, чего хочу больше.

– Лёш, погоди.

И он останавливается. Почти не дышит, смотрит на меня. Ждёт решения.

Да? Нет? Не знаю... Или знаю?

А к чёрту...

Тело уже горит, и как всегда в такие моменты – желание берёт вверх.

Возможно, Лёша что-то читает по моему лицу, потому что наклоняется и продолжает с того момента, на котором остановился.

Он не давит, не настаивает, даёт мне шанс притормозить, но я больше ничего не говорю. Лишь стараюсь расслабиться и довериться ему до конца, впервые в своей жизни перемешивая эмоциональное и физическое.

Глава 11

Лёша бережно и нежно держит меня в своих объятьях, так что стыд и неловкость уходят. Да, возможно, не всё случается так, как я себе это когда-то представляла, потому что ожидания и реальность – это немного разные вещи. Но мне хорошо, и боли почти нет.

И Лёша шепчет, что дальше будет только лучше, и я верю ему. Он старается быть аккуратным, бережёт меня и сдерживается. Конечно, я это чувствую. И мне просто по кайфу обнимать его руками и ногами и чувствовать его вес на себе.

Всё правильно. Всё так и должно быть.

Засыпаю у него на плече. Ну как... засыпаю. Пытаюсь, заснуть. Потому что эмоций столько много, что мне сложно провалиться в нормальный глубокий сон. Он поверхностный и нервный.

У Лёши дыхание глубокое, и мне хочется, чтобы он поделился со мной своим спокойствием.

В конце концов, наши вдохи-выдохи синхронизируются, и мне удаётся забыться на несколько коротких предрассветных часов.

Утром я в кровати одна, вытягиваюсь во весь рост, проверяя, что изменилось. Между ног немного дискомфортно, а в целом я такая же, как была вчера.

Разве что знаний и опыта прибавилось.

Удивительно, что Лёша не стал приставать ко мне с утра. По рассказам девочек, парни в плане секса ненасытны. Может, ему достаточно? Сомнительно как-то...

Натягиваю пижаму, от которой меня вчера так быстро избавил Лёша, накидываю сверху толстовку, потому что после тёплой постели мне кажется, что в коттедже немного прохладно.

– Выспалась? – долетает до меня, когда спускаюсь на первый этаж.

– Относительно, – делаю неопределённый жест рукой.

Как тут выспаться, когда эмоции бьют через край!

Лёша подходит ближе, и я ойкаю, когда меня сжимают в крепких, почти медвежьих объятьях.

– Завтракаем здесь или выходим?

– Здесь.

Куда-то выползать за пределы этих стен не хочется.

А ещё хочется... Боже, ну и развратница я... Хочется повторить.

Бездумно закусываю губу. Вероятно, всё это написано на моём лице, потому что Лёша посмеивается и заявляет внезапно:

– Позже... отдохни немного.

Рум сервис доставляет еду в течение получаса, потому что с собой мы ничего не брали. Едим в тишине, но она какая-то уютная.

До той поры, пока Лёша не шутит, что теперь ему точно

надо познакомиться с моими родителями, чтобы заявить о своих серьёзных намерениях.

Сердце снова пропускает несколько ударов.

Во-первых, от его слов о намерениях... Это звучит многообещающе.

Во-вторых, от перспективы знакомства с родителями. Ранно или поздно надо будет вскрыться.

Ну почему я сразу не сказала всей правды! Теперь надо как-то выпутываться... Вот уж в жизни бы не подумала, что статус моей семьи может кого-то отпугнуть! Откуда возникла идея, что Лёшу это отвернёт? Теперь его, скорее, отвернёт моё враньё...

– Так и насколько ваши намерения серьёзные? – пытаюсь иронизировать.

– На все сто.

– М-м-м? Мне ждать предложения руки и сердца?

– А ты готова?

Не понимаю, он сейчас в тон мне отвечает или прощупывает почву? От его вопроса голова кругом.

– Если честно, думаю, мне ещё рановато.

– Тебе может, и рановато. А мне в самый раз, – подмигивает Лёша.

– Ой, только давай не будем про разницу в возрасте, – зачем-то вставляю.

– Я не шучу, Вер, – улыбка сходит, и он смотрит на меня прямо. – Давай выберем выходные и съездим к твоим род-

ным. Ты, наверное, и сама соскучилась.

Ни капли, если начистоту. Тем более, накануне виделись.

Но я киваю.

– Недели через две, – продолжает Лёша.

– Или три.

– Или три.

– А ты меня когда с мамой познакомишь? – знаю, что отца его уже нет в живых.

Лёша мрачнеет.

– Не раньше, чем через полгода.

– Она в отъезде?

– Можно и так сказать. На реабилитации. В закрытом заведении.

– У неё проблемы со здоровьем? Что-то серьёзное?

– Модно и так сказать, – повторяет.

– Понятно.

Конечно, мне не понятно, но вижу, что Лёша эту тему трогать не хочет.

После завтрака мы идём в СПА. Я сначала сопротивляюсь, думая, что это каких-то космических денег стоит. Всё-таки слова Вики высверливают мой мозг, но Лёша уверяет, что всё заказал заранее. Так что мне даже удаётся подремать под бережными руками массажиста, а заплыв в бассейне и ванны с гидромассажем добивают окончательно.

Мы, конечно, ведём себя как настоящие влюблённые: трогаем друг друга под водой за разные места, хихикаем и це-

луемся то и дело.

Как влюблённые...

Хотя о любви пока никто и не говорит... А шутки про свадьбу – это просто юмор.

Вернувшись в коттедж, я вырубаясь по щелчку пальцев, а пробуждаюсь вовсе не из-за того, что выпалась. Это снова Лёша постарался.

– Вера... – шепчет он. – Хочу тебя до одури.

Желание во мне вспыхивает за долю секунды. Так что остаток выходных мы изредка вылезаем из кровати, чтобы прогуляться и сходить до ресторана. Остальное время – наслаждаемся и изучаем друг друга, и к концу воскресенья внутри меня такое месиво из эмоций, что хочется плакать от их переизбытка.

Последние дни октября выдаются солнечными. Выхожу из универа и жмурюсь от белого яркого света. Поэтому не сразу замечаю парня, идущего мне навстречу.

– Илья? – с удивлением произношу. – Что ты тут делаешь?

И недели не прошло с нашего знакомства, но я отлично помню, что не говорила, где именно учусь и как меня найти. Да и не договаривались мы ни о чём таком.

– К тебе пришёл.

– Зачем? – говорю и понимаю, что вот это сейчас грубо выходит.

Но Илья не обижается, вроде, напротив, запрокидывает

голову и смеётся.

– Хотел пригласить прогуляться, ты как? Посидим где-нибудь, кофе выпьем, поболтаем.

Мне снова хочется спросить «зачем?», но сдерживаюсь. Вместо этого интересуюсь.

– Как узнал, где я и до сколько учусь?

На лице Ильи покаянное выражение.

– Пришлось прибегнуть к помощи Ульяны Дмитриевны.

Мне это совсем не нравится.

– Понятно... мама сдала.

– Ну почему сразу сдала-то? Подказала. Помогла.

Ух, я бы этих помощников.

Мне хочется сказать Илье, что он зря старается, но и грубить я не привыкла. Потом он не виноват, что сердце моё уже занято. Кто знает, чем бы всё закончилось, встретиться мы при других обстоятельствах. Он в общем-то милый парень. Начитанный, образованный, интересный. Родителям вон, нравится.

Тьфу... Горько от таких мыслей.

– Ну ты как? Время есть?

Мы выходим на стоянку, и я ищу взглядом машину Лёши. Она на привычном месте, и её хозяин тоже. Стоит, сложив руки на груди, смотрит в мою сторону. Затем вскидывает ладонь и машет мне.

Сердце тут же ускоряется.

Я туда хочу. К нему. В объятия. В тесное пространство са-

лона. Чтобы зажал меня между собой и пассажирским сиденьем. И целовал до умопомрачения.

Всё утро про это думала.

Но над ухом раздаётся.

– Вер?

– Прости, – легонько сжимаю предплечье Ильи. – Не могу.

– Понимаю, что как снег на голову. Но если сегодня занята, давай в другой раз.

– Да, я занята.

«Вообще занята, а не только сегодня», – вот что думаю, но вслух не говорю.

Да и Илья не идиот, замечает, куда смотрю.

Прищуривается, изучая Лёшу, но выражение его лица не меняется.

– Парень твой? – вдруг спрашивает прямо.

– Угу, – киваю и дёргая лямку рюкзака прощаюсь. – Ну, пока. Мне пора.

Не дожидаясь ответа или комментария в духе «а, Ульяна Дмитриевна об этом ничего не говорила», ухожу, очень надеясь, что эта пока что лишняя информация не дойдёт до моей матери. Или отца.

– Однотруппник? – спрашивает теперь уже Лёша, когда подхожу к нему.

– Нет, просто знакомый.

Он не углубляется в расспросы, распахивает дверцу, чтобы я села.

И уже внутри салона целует так, как я мечтала всё утро. Крепко, страстно, всепоглощающе.

Мы недолго гуляем в парке, потом идём в книжный, где я выбираю себе кое-что из классики и кое-что из сентиментальной современности.

– Романтика, да? – усмехается.

– Философия? – киваю на его выбор. – Вот бы уж никогда не подумала, что тебе нравятся подобные книги.

– А что бы подумала?

– Не знаю, – жму плечом. – Если честно, в самом начале нашего знакомства ты не был похож на человека, который в принципе читает. Прости.

– Всё нормально. Да я не так уж часто это делаю, то есть делал, – поправляет себя. – Сейчас времени побольше будет. О, стоп!

Лёша вдруг притормаживает, а потом тянет меня к одному из стеллажей.

– Что такое?

– Кажется, нашёл раздел, который нам обоим понравится.

Ой... мамочки...

Краснею, как рак, ещё и ступор нападает. Кажется, что все на нас смотрят. Хотя народа тут особо и нет, только консультант гуляет чуть поодаль. Но мне не хочется, чтобы он к нам подходил.

– Давай, говори цифру.

В руках у Лёши подарочное издание «Камасутры» с фо-

тографиями на разворот.

– Да ну тебя.

– Цифру, Вера!

Хочу уйти, но Лёша подзадоривает. Сквозь зубы бормочу:

– Тридцать четыре.

Отвожу взгляд. Ну что за пошлость!

– Волшебная гора, – читает он. – Ничего сложного. Мне нравится, – наклоняется и шепчет. – Сегодня попробуем.

Нервно смеюсь и захлопываю книгу у него в руке, надеясь, что он положит её на место.

– Твоя скромность возбуждает ещё больше.

– Без комментариев, – быстро выныриваю в общий проход и семеню к кассам.

– Но мы над этим поработаем.

А вот от этих обещаний я вспыхиваю уже в другом направлении.

Поэтому, когда мы добираемся до его квартиры, Лёша без промедления приступает к тушению моего внутреннего пожара. Самой себе я кажусь ненасытной. Стоило начать, а я с ума схожу от нетерпения. Чем больше он мне даёт, тем больше мне хочется.

Скатываюсь с подушек и растягиваюсь на кровати под боком у Лёши. Пальцами он щекочет мою чувствительную кожу, а я делаю вид, что мне вдруг становится холодно и пытаюсь натянуть одеяло повыше.

Лёша не сопротивляется, укутывает меня, будто начинку

в тесто.

– Есть хочешь, булочка?

– Нет.

На прогулке мы перекусили, так что я абсолютно сыта.

– Но если ты голоден, могу что-нибудь приготовить.

– У меня в холодильнике не такой уж богатый выбор, я обычно заказываю в доставке.

– Почему не обживаешься? – приподнимаю бровь. – Квартира словно не твоя.

– А она и не моя, – подтверждает. – Это бывшей одноклассницы. Пустили пожить, ей от бабушки досталась, да и Анька сейчас за границей большую часть года.

Лёша встаёт и уходит, что-то ещё добавляя по ходу, а я перевариваю новую информацию.

Возвращается с бутылкой воды, отвинчивает крышку и жадно пьёт, затем протягивает мне. Делаю аккуратный глоток.

– Ты же говорил, что родился в Москве?

– Так и есть.

– Тогда... где твой дом?

– Обязательно в гости приглашу, – опускается на кровать и целует в нос. – Но сначала к тебе съездим.

Вот он опять об этом.

– Мне твоих братьев бояться стоит?

– Нет, они у меня адекватные.

Не знаю, кого я больше успокаиваю: его или себя? Очень

хочется, чтобы не только Сева с Сеней адекватными были, но и отец с матерью.

Вроде так легко открыть рот и выдать чуть больше информации про себя, но он, блин, не открывается. И голос пропадает на ходу.

Вместо этого я перевожу внимание Лёши на него самого. Замечаю, что он трёт длинный шрам и спрашиваю:

– Болит?

– Нет, привычка такая. Проверяю, на месте ли.

– Хм...

– Шучу.

– Глупо снова спрашивать, откуда он? Не ответишь, да?

– Там ничего интересного или героического, просто досталось. Подставился неаккуратно. Честно говоря, не вижу смысла рассказывать, Вер. Обычные рабочие моменты.

– Обычные рабочие моменты, – повторяю медленно. – Хорошая у тебя работа.

– Была.

– Была...

– Всё, закрыли тему. Не переживай. Я больше в опасные разборки лезть не собираюсь, – притягивает к себе и целует глубоко и со страстью. – Обещаю, что буду аккуратным.

– Да уж, будь добр.

– Пусто как-то, – даёт Сева оценку моему новому жилищу.

– Так не проблема. Дай мне время, всё обставлю. Кровать, шкаф есть, где готовить и где хранить приготовленное, – киваю на холодильник, – тоже. Можно въезжать.

Сгребаю ключи с кухонной столешницы и прячу в карман.

Не говорить же брату, что всячески оттягиваю момент с переездом, чтобы подольше пожить у Вики. Хотя мне у подруги и не совсем комфортно. Зато не придётся перед Лёшей объясняться, откуда у моей скромной, по его мнению, семьи, деньги на такие апартаменты.

Брат окидывает взглядом зону кухни и кусочек гостиной. Указывает на картину за диваном.

– В стиле Энди Уорхола или как там его.

Разноцветная лошадь смотрит на нас со стены.

– Энди Уорхол растираженный штамповщик, – выдаю брату. – И потом у него всё вырви глаз. А это спокойная анималистика.

– Спокойная анималистика, – передразнивает Всеволод. – Тебе не на экономику надо было идти, а на дизайн.

– Может, ещё не поздно, – бормочу тихо. – Поехали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.